1 D
30
К-59
М. 1929

НО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕК

Б. КОЗЬМИН

КАЗАНСКИЙ ЗАГОВОР

ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОС

DB
30 Тат
К-59

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

Б. КОЗЬМИН

947 рд
К-58

КАЗАНСКИЙ ЗАГОВОР

1863 года

85545
41165

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
657066

Главлит № А - 53681 Заказ № 2029 Тираж 7.000 экз.

Книжная ф-ка Центриздата Народов СССР. Москва, Шлюзовый набер, № 10.

ВВЕДЕНИЕ

Дело о раскрытом в 1863 году в Казани заговоре, закончившееся пятью смертными приговорами, является одним из наиболее драматических эпизодов в истории русского революционного движения шестидесятых годов. Но не только своею драматичностью дело это должно привлекать к себе внимание всех интересующихся нашим революционным прошлым. Оно интересно и важно, как одно из наиболее характерных революционных выступлений той эпохи. И по составу своих участников, и по методам их революционной работы, и по задачам, которые они себе ставили, дело о попытке поднять восстание в среднем Поволожьи представляется в высшей степени типичным для эпохи шестидесятых годов, — той ранней эпохи в развитии нашего революционного движения, когда революционные идеи впервые выходят за пределы немноголюдных, тесно замкнутых интеллигентских кружков, когда оппозиционное отношение к существующему, сложившемуся веками социально-политическому укладу становится преобладающим настроением целой общественной

группы, известной под названием «разночинной интеллигенции».

Дело о казанском заговоре настолько связано с социально-экономическими сдвигами своего времени и настолько переплетено с другими современными ему политическими событиями, что оно может быть вполне понято и исторически осмыслено только на фоне общего развития русской социально-политической жизни середины прошлого века. Вот почему изложению возникновения, развития и ликвидации казанского заговора безусловно необходимо предпослать хотя бы краткую характеристику эпохи шестидесятых годов. Только тогда мы получим возможность точно и правильно оценить историческое значение казанского дела и определить его место в общем развитии революционного движения шестидесятых годов.

Россия Николая I может служить ярким образцом страны, в которой потребности дальнейшего развития производительных сил находятся в полном противоречии с существующим экономическим и социально-политическим строем. Первая половина XIX столетия — особенно тридцатые и сороковые годы — была временем интенсивного развития в России капиталистической промышленности. Рядом со старой крепостной дворянской фабрикой, основанной на принудительном труде, возникает и быстро развивается новая фабрика, которая начинает все в больших и больших раз-

мерах применять труд «свободный». Количество рабочих, продающих свою рабочую силу за определенную заработную плату, увеличивается с каждым годом. Число фабрик и заводов растет. Размеры производства повышаются. Поднимается и техника; западные фабричные машины начинают все более проникать на русские фабрики, вытесняя на них ручной труд.

Быстрый рост фабрично-заводской промышленности наталкивался, однако, на ряд препятствий, без преодоления которых немыслимо было дальнейшее движение вперед. Основным из этих препятствий было существование крепостного права, налагавшего свой отпечаток на всю русскую жизнь того времени.

Капиталистической промышленности нужны были свободные рабочие руки. Их недоставало, и они были дороги. Недоставало их потому, что вольнонаемных рабочих приходилось искать главным образом среди крепостных крестьян, отпущенных помещиками по оброку. Они были дороги потому, что заработная плата должна была покрывать не только потребности самого рабочего и его семьи, но и тот оброк, который он обязан был выплачивать помещику.

Капиталистической промышленности нужен был рынок, достаточно емкий для того, чтобы поглотить вырабатываемые ею продукты. Крепостная деревня не могла быть таким рынком; она была слишком бедна, чтобы явиться потребителем, в котором нуждалась наша промышленность.

Таким образом недостаток свободных рабочих рук и слабое развитие внутреннего рынка неизбежно должны были задерживать дальнейшее развитие фабрично-заводской промышленности.

Капитализм не только захватывал фабричную промышленность; он проникал и в сельское хозяйство. Деревня все более и более втягивается в торговый оборот. Помещичье хозяйство начинает работать не только на нужды своего владельца, как это было ранее, но и на внешний и внутренний рынок. Торговля хлебом внутри страны и вывоз хлеба за границу развиваются. Помещики стараются поднять производительность своих хозяйств. Однако это стремление их наталкивается на серьезные препятствия. Труд крепостных, как всякий принудительный труд, малопродуктивен и потому невыгоден. Наличность принудительного труда замедляет поднятие техники сельскохозяйственного производства. Попытки помещиков увеличить интенсивность барщинного труда при помощи расширения барской запашки за счет крестьянской или увеличения количества барщинных дней приводят только к расстройству крестьянского хозяйства, неминуемо отражающемуся и на хозяйстве помещика.

Таким образом крепостное право становится на пути развития не только промышленности, но и сельского хозяйства. Поэтому та часть дворянства, хозяйство которой оказывается втянутым в товарный оборот, приходит к заключению о выгодности и необходимости отмены крепостного права,

при том, конечно, условии, чтобы эта реформа была проведена так, чтобы интересы помещиков не пострадали, чтобы землевладелец сохранял возможность эксплуатировать в максимальной степени труд крестьян, ставших «свободными».

Так экономическое развитие России в первую половину XIX столетия неизбежно влекло ее к отмене крепостного права. Реформа 19 февраля 1861 года была продиктована реальной и неотложной экономической необходимостью.

Решившись на отмену крепостного права, правительство обставило ее так, чтобы как можно меньше задеть интересы помещиков. Этим определялось содержание реформы 19 февраля.

«Дело было начато, — писал в 1862 году Н. Г. Чернышевский, — с желанием требовать как можно менее пожертвований от дворянства... Поэтому и результат оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами, с очень малыми, почти незаметными изменениями существа их прежних отношений».

Мы не можем останавливаться подробно на содержании реформы 19 февраля. Отметим только, что недостаточность полученных крестьянами наделов и тяжесть возложенных на них повинностей ставили крестьян в прямую экономическую зависимость от помещиков. Для того, чтобы прокормить семью и выполнить повинности, крестьянам было необходимо, помимо обработки своего надела, приарендовывать помещичью землю или же искать дополнительного заработка на стороне, то-

есть в первую очередь в соседнем помещичьем имении.

Кроме того, в течение двух лет крестьяне обязаны были попрежнему выполнять свои повинности по отношению к помещикам: отбывать барщину и выплачивать оброк. Таким образом в 1861 году крестьяне только в очень слабой степени почувствовали, что в их положении произошла какая-то перемена. Для них и после 19 февраля почти все осталось по-старому. Вот почему столь долгожданная реформа не могла удовлетворить их. Полученную «волю» они почти повсеместно не признали за волю настоящую. Эта «воля» в их представлении была волей «панской», «барской», и они продолжали ждать другой воли, которая окончательно положит предел их зависимости от помещиков. На этой почве в первые месяцы после 19 февраля в различных местах России происходили среди крестьян волнения и «бунты». Крестьяне отказывались признать объявленную им «волю»; они уклонялись от исполнения повинностей в пользу своих бывших владельцев и старались избежать составления уставных грамот, долженствовавших точно определить их будущие отношения к помещикам. Насколько широко было распространено среди крестьян недовольство реформой, можно судить по тому, что за четыре месяца 1861 года (с апреля по июль) произошло 647 волнений и «бунтов» среди крестьян. Только в редких случаях властям удавалось успокоить крестьян и мирно уладить отношения их с поме-

щиками. Чаще же приходилось прибегать к вмешательству военной силы: в течение 1861 года военные экзекуции были произведены в 1666 селениях.

Считая полученную «волю» обманной, крестьяне не хотели отказываться от надежды на выполнение своей заветной мечты о воле и земле. Об'ясняя по-своему сроки, назначенные в законе для прекращения их обязательств по отношению к помещикам, крестьяне рассчитывали, что в 1863 году, через два года после издания манифеста 19 февраля, объявлена будет царем новая, «настоящая» воля, и тогда не только прекратятся всякие их повинности по отношению к помещикам, но у помещиков будет отобрана и разделена между крестьянами вся земля. Такое настроение крестьян создавало крайне напряженное и угрожающее положение. Казалось, что в 1863 году, когда крестьяне убедятся в том, что их надежды на получение от царя новой воли не оправдались, они повсеместно восстанут против помещиков и властей, и произойдет революция, превосходящая своими ужасами столь памятную дворянам пугачевщину.

Ожидание грядущей крестьянской революции было широко распространено в различных кругах тогдашнего общества. Это необходимо твердо помнить, ибо в этом — ключ к объяснению событий, разыгравшихся в России в 1861—1863 годах.

Если приближающийся 1863 год внушал смертельный ужас бывшим рабовладельцам, готовившимся расплатиться за грехи свои и своих пред-

ков, то на ряду с ними в России была общественная группа, которая с радужными надеждами ждала наступления 1863 года в уверенности, что победоносный исход крестьянского восстания положит конец деспотизму, гнетущему Россию. Этой общественной группой была так называемая «разночинная» интеллигенция, первые кадры которой стали формироваться еще в дореформенное время и которая в шестидесятые годы выступила на общественную арену как самостоятельная общественная сила. Если в прежнее время русская интеллигенция по составу своему была почти исключительно дворянской, то теперь на ряду с этой старой интеллигенцией появляется новая. В ряды ее втягиваются, с одной стороны, представители низших классов (мещан, духовенства, крестьян и других), которым удается выбиться из окружающей их среды и получить образование, с другой — выходцы из рядов оскудевшего дворянства, которых хозяйственное слабосилие и растущая задолженность их имений заставляли порывать с землею и устремляться в города в поисках могущей прокормить их службы. Эта новая интеллигенция и по образованию, и по обстановке своей жизни была чужда «благородному» и «правящему» сословию. Она не меньше, чем крестьяне, ненавидела его и в борьбе за свою собственную жизнь пыталась частью опереться на крестьянство и становилась идейной выразительницей его нужд и интересов, частью же ориентировалась на буржуазию, с которой ее объединяло стремление к евро-

пеизации русской жизни, к перестройке русского политического уклада по западному образцу.

Из этой новой интеллигенции вышло большинство участников революционной борьбы того времени. Революционное движение шестидесятых годов по существу своему было движением «разночинной» интеллигенции. В этом основная причина его слабости: широкие общественные массы не были затронуты им.

Волнения, которыми крестьянство встретило реформу 19 февраля, дали толчок развитию революционного движения среди интеллигенции. 1861 год отмечен появлением первых в России печатных прокламаций революционного содержания, бурным студенческим движением, захватившим в октябре этого года почти все русские университеты, формированием в столице и в провинции ряда революционных кружков. С самого же начала в вспыхнувшем движении наметилось несколько оттенков — от умеренного буржуазно-демократического до революционно-коммунистического.

Начиная с июня 1861 года один за другим выходят три номера нелегального листка «Великорусс». Авторы «Великорусса» считали, что в скором времени в России вспыхнет кровавая крестьянская революция, если только правительство не пойдет своевременно навстречу интересам крестьянства и тем не предупредит вспышку его недовольства. Предотвратить революцию можно только дальнейшими реформами. Прежде всего необходимо предоставить крестьянам без выкупа всю

ту землю, которой они пользовались до отмены крепостного права, и созвать представителей народа для «свободного» составления конституции.

Осенью 1861 года появляется составленная Н. В. Шелгуновым прокламация «К молодому поколению». Эта прокламация в своих требованиях идет дальше, чем «Великорусс». Не передачи крестьянам части земли, оставшейся в руках помещиков, требует она, а «полного уничтожения следов крепостного права» и национализации всей земли. «Мы хотим, — писал Шелгунов, — чтобы земля принадлежала не лицу, а стране, чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту, чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины». Прокламация Шелгунова требует широкого развития общественного самоуправления, замены существующих властей выборными, равенства всех граждан перед законом, свободы слова, уничтожения полиции, сокращения расхода на войско и так далее. Прокламация надеется, что осуществление предложенных ею реформ спасет Россию от развития в ней капитализма и откроет «возможность избегнуть жалкой участи Европы настоящего времени».

Если в «Великоруссе» явно проявлялись буржуазно-демократические тенденции, то прокламация Шелгунова была пропитана идеями, получившими законченное выражение в позднейшем народничестве: общинный строй русской жизни открывает

для России возможность итти в своем развитии особыми путями, отличными от западных.

Еще дальше, чем Шелгунов, шла прокламация «Молодая Россия», изданная в мае 1862 года московским кружком П. Г. Зайчневского. Она не довольствуется частичными реформами, а настаивает на полном уничтожении существующего социально-политического строя и провозглашает: «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» «Молодая Россия» требует замены «современного деспотического правления» республиканско-федеративным союзом областей. Она говорит об уничтожении права собственности на землю: в будущей России земля будет отводиться каждому члену общины во временное пользование; периодически община производит передел земли между своими членами. «Молодая Россия» настаивает на организации общественных фабрик и лавок, на полном освобождении женщин, на уничтожении брака и семьи, на закрытии «главного притона разврата — монастырей» и так далее. От современного общественного строя «Молодая Россия» не оставляет камня на камне.

Как ни далеко расходились между собою упомянутые нами прокламации в своих программных требованиях, все они сходились в одном — в признании того, что Россия стоит накануне грандиозного социального переворота.

«Великорусс» ставит этот переворот в связь с ожиданием крестьянами новой воли. Эпохой восстания будет лето 1863 года, если весна его обма-

нет надежды крестьян. Прокламация Шелгунова также связывает приближающуюся революцию с разочарованием крестьянства: «Государь обманул ожидания народа: дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна». Шелгунов убежден в неизбежности переворота: «Недовольные везде; все ждут чего-то... императорская Россия разлагается». Эту уверенность Шелгунова разделяют и авторы «Молодой России». «Россия вступает в революционный период своего существования,—пишут они.—Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком «да здравствует социальная и демократическая республика Русская» — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

Признавая близость революции, авторы прокламаций далеко расходятся друг с другом в своем отношении к ней. «Молодая Россия» не страшится ее, несмотря на то, что она будет «кровавая и неумолимая». «Мы не страшимся ее, — пишут они, — хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это, и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!»

На диаметрально противоположной точке зрения стоит «Великорусс». Он не скрывает страха перед грядущим переворотом. Он винит правительство в том, что оно по глупости своей и невеже-

ству «ведет Россию к пугачевщине». Если «образованные классы» не возьмут в свои руки ведение дел, то они сами «подвергнутся терроризму». Авторы «Великорусса» мечтают о «мирном водворении законности» и, обращаясь к Александру II, убеждают его, что «только правительство, опирающееся на свободную волю самой нации, может совершить те преобразования, без которых Россия подвергнется страшному перевороту».

Промежуточную позицию занимает прокламация Шелгунова. С одной стороны, она заявляет, что переворот не страшит ее. «Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого». С другой стороны, Шелгунов предпочел бы мирный путь, если бы только он был возможен. «Общее недовольство, — пишет он, — могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет общее восстание, недовольные будут последовательны, — они придут к крайним требованиям. Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло: но пусть же оно и не медлит». Таким образом, если «Молодая Россия» безоговорочно становится на сторону революции, Шелгунов еще колеблется между путем революционным и путем мирных реформ, хотя надежда на возможность мирного пути в его глазах очень мала, ибо «мы имеем дело с правительством ненадежным».

Чем ближе приближался 1863 год, тем больше распространялась среди революционеров мысль о необходимости от многочисленных разрозненных кружков перейти к одной большой революционной организации, которая распространилась бы как можно шире по России и в момент восстания могла бы стать во главе его и внести в него планомерность и дисциплину, необходимые для успешного его исхода.

Еще летом 1861 года на эту тему велись разговоры в Лондоне между Н. П. Огаревым и приехавшими из России представителями революционных кругов: Н. А. Серно-Соловьевичем, Н. Н. Обручевым, А. А. Слепцовым и другими. Результатом этих переговоров была статья Огарева «Что нужно народу», напечатанная сперва в № 102 «Колокола» от 1 июля 1861 года, а затем в большом количестве экземпляров в виде прокламации. Статья эта рассматривалась, как программа будущего тайного общества. По возвращении в Россию Серно-Соловьевич и его товарищи принялись за подготовительную работу по привлечению людей в ряды будущего тайного общества. Постепенно большинство существовавших в то время революционных кружков, — главным образом студенческих и офицерских, — превращается в ячейки тайного общества, принявшего в августе 1862 года название «Земля и Воля».

Инициаторы «Земли и Воли» с самого начала ставили своею задачею вовлечь в свое общество как можно более широкие общественные круги.

Они стремились сгруппировать все недовольные существующим порядком элементы страны, сплотив их ценою взаимных уступок. «В деле народного освобождения, — писали они, — должны сглаживаться спорные оттенки одной и той же свободолюбивой партии». Естественно, что при таких условиях программа и тактика тайного общества не могла не носить компромиссного характера. Если мы возьмем статью Огарева «Что нужно народу», то увидим, что требования, выдвигаемые в этой статье, сводятся к передаче крестьянским общинам за особое, выплачиваемое ими помещикам вознаграждение помещичьей земли в размерах, достаточных для пропитания членов общины, к замене правительственных чиновников выборными властями, к привлечению представителей народа к определению и раскладке податей и повинностей и, наконец, к сокращению расходов на войско и царский двор. Однако на такой умеренной программе тайное общество не могло долго оставаться. В прокламациях, выпускаемых им в 1862—1863 годах, оно заговорило более решительным языком. Оно признало, что «цепи деспотизма... должны быть разорваны», и стало призывать к «неуклонной борьбе с врагом русского народа — императорским правительством». В качестве ближайшей задачи начатой борьбы оно выдвинуло созыв народного собрания из выборных представителей свободного народа для определения нового общественно-политического строя освобожденной России.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Выдвигая таким образом идею созыва Учредительного Собрания, «Земля и Воля» стремилась при помощи его «предотвратить или, по крайней мере, ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием». В этих словах вполне ясно проглядывает страх руководителей «Земли и Воли» перед народной революцией и их стремление ослабить ее ужасы через вмешательство «образованных классов» в ход событий. «Она, — писали землевольцы про революцию, — может получить исполинские размеры кровавой драмы, если все или, по крайней мере, большинство способных и честных из образованных классов не станет на сторону доведенного до восстания народа».

Стремление организаторов «Земли и Воли» объединить в составе тайного общества по возможности все существовавшие в то время революционные кружки неизбежно должно было привести к тому, что в рядах «Земли и Воли» собрались люди различных политических устремлений, которые, по мере развития событий, неминуемо должны были разойтись друг с другом. Умеренность программы тайного общества должна была вызвать оппозицию со стороны его левого крыла. Иначе быть не могло, так как к «Земле и Воле» примкнули и такие кружки, которые были настроены гораздо более революционно, чем центр тайного общества. Так, имеются основания предполагать, что московское отделение «Земли и Воли»

находило программу, выдвинутую центром, недостаточно революционной.

Отделение это развилось из возникшего еще в 1859 году кружка молодежи, основанного Юрием Мосоловым и Николаем Шатиловым и принявшего название «Библиотека казанских студентов» [1]

Кружок этот, первоначально ставивший своею задачею исключительно работу по поднятию политического сознания своих членов и державшийся крайне конспиративно из боязни провала, постепенно расширял свою деятельность и в 1862 году примкнул к «Земле и Воле», превратившись в ее московское отделение. О работе этого отделения до нас дошло очень мало сведений. Однако несомненно одно, а именно: москвичи были настроены более революционно, чем петербуржцы, и с этой точки зрения находили программу «Земли и Воли» неудовлетворительной, а ее тактику—чрезмерно осторожной. В так называемом деле Андрущенко (1863 год), по которому привлекались Мосолов, Шатилов и другие их товарищи по организации, имеется ряд указаний на разногласия, существовавшие между Москвой и Петербургом, и на стремление москвичей порвать с «Землей и Волей». Мосолов на следствии рассказывал, что ни он сам, ни его знакомые «не одобряли способа деятельности общества, начинали разочаровываться в нем и подумывали отстать от него». В виду этого Мосолов предложил «составить общество на новых

[1] Такое название кружка объяснялось тем, что основателями его были студенты—уроженцы Казанской губернии.

началах» и «написал программу, которой подробности не помнит, но она была выражена в форме идеала, к которому должно стремиться». Для обсуждения этой программы была устроена сходка; на ней программа Мосолова получила одобрение. Было решено, что «кружок встанет в независимое положение от общества «Земля и Воля». Другой из привлеченных по делу Андрущенко, Яков Сулин, показал, что на только-что упомянутой сходке «Мосолов указал на демократически-республиканский строй, как на идеал, к которому стремится жизнь каждого государства». Наконец, Иван Андрущенко, также присутствовавший на сходке и во время ареста успевший уничтожить бывший при нем экземпляр программы Мосолова, на допросе показал: «По вопросу о программе Мосолов прочел рукопись, говоря: вот, по его мнению, чего следует держаться, или иначе, какова должна быть будущность России: управление областное с главным сеймом в Петербурге или Москве; земля вся должна быть государственная и отдаваться на срок в пользование; уничтожение частной собственности; женщина должна пользоваться одинаковыми правами с мужчиною, и еще некоторые другие положения» [1]. Если даже допустить, что сообщение Андрущенко не вполне точно передает содержание программы Мосолова, то все же остается несомненным, что москвичи были на-

[1] „Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах". Под ред. В. Базилевского. Париж, 1905, стр. 114, 129 и 142.

строены более решительно и революционно, чем центр «Земли и Воли». Вот почему нас не будет удивлять факт, с которым мы познакомимся ниже: организаторы казанского заговора получили от москвичей то содействие в задуманном ими предприятии, которого они тщетно добивались в Петербурге от Центрального Комитета «Земли и Воли». В виду этого те рассказы о разногласиях в рядах «Земли и Воли», о которых, как мы увидим, говорил казанским студентам один из главных организаторов заговора Черняк, не покажутся нам такой абсурдной небылицей, какой их, с легкой руки покойного М. К. Лемке, принято считать в нашей исторической литературе.

Параллельно с повышением революционного настроения в России шло развитие революционного движения в Русской Польше. Однако, между Россией и Польшей было одно громадное различие. В то время как в России тех лет революционное движение было движением сравнительно немногочисленной интеллигентной молодежи, совершенно не затронувшим народные низы и потому не имевшим под собой достаточной опоры, в Польше положение было совершенно иное. Там в движение были вовлечены не только интеллигенция, но и городская мелкая буржуазия и мелкопоместное дворянство (шляхта). Там движение было массовым и закончилось открытым вооруженным восстанием, подавить которое русскому правительству удалось не без большого труда и которое продолжалось около года.

Было и еще одно существенное различие между польским и русским движением. В России на первом месте стоял аграрный вопрос. Основной задачей борьбы в глазах революционеров было обеспечение крестьянству нормальных условий для развития его хозяйства при помощи наделения его землею, освобождения от эксплуатации со стороны помещиков и т. д. В силу этого русскими революционерами грядущая революция мыслилась как переворот прежде всего социального характера. Вопрос о лучшем устройстве общественных отношений — центральный вопрос в русской революционной литературе той эпохи. Иное дело в Польше. Национальный гнет, который поляки испытывали со стороны русского правительства, выдвигал на первую очередь вопрос чисто политический — об отношении Польши к России. Все революционное движение начала шестидесятых годов в Польше, как и самое восстание 1863 года, прошло под знаком борьбы за отделение польских земель от России и провозглашение Польши независимым государством. Это была вполне точная и конкретная задача, поставленная себе повстанцами. Для достижения ее поляки и взялись за оружие.

С лета 1862 года в Польше началась планомерная подготовка восстания: добывалось оружие, устанавливались связи с польской эмиграцией за границей, производился сбор денег на нужды восстания, создавалась правильная организация всего захваченного движением населения. Центральный

Народный Комитет, руководивший этой работой, определил начать восстание весной 1863 года. Это решение не было тайной для русского правительства; оно догадывалось, что открытое выступление приближается, и для того, чтобы разрушить расчеты своих противников, решило заставить их взяться за оружие раньше, чем они сами предполагали это сделать. С этой целью было решено объявить в Польше рекрутский набор, специально касающийся городской молодежи, как наиболее захваченной революционным движением. При удачном проведении, этот набор, по словам одного официального документа, давал возможность «избавиться от некоторой части населения, которая своим поведением содействует нарушению общественного спокойствия». Если же поляки решили бы уклониться от набора и с оружием в руках отстаивать свою свободу, объявленный набор заставил бы их поднять восстание раньше, чем все необходимые для него приготовления были доведены до конца.

Этот расчет вполне оправдался. При первых же слухах о готовящемся наборе городская молодежь массами стала уходить в леса, и 15 января 1863 года, когда набор был объявлен, большинства подлежащих набору не оказалось налицо. Скопившаяся в лесах молодежь неизбежно должна была или сдаться в руки правительства, или вступить с ним в открытую борьбу. Под влиянием этого Центральный Народный Комитет решился назначить начало восстания на ночь с 22 на 23 января, од-

новременно с этим переименовав себя в Временное Народное Правительство.

Итак, восстание в Польше началось. Как же отнеслись к нему русские революционеры? В этом отношении между ними почти не было разногласий. Видя в поляках естественных союзников своих в борьбе против царского правительства, они приветствовали готовящееся восстание и поспешили заявить о своем признании права Польши на отделение от России. В польском вопросе два крайних крыла русского революционного движения того времени — «Великорусс» и «Молодая Россия» — сходились друг с другом. «Великорусс» выдвигал освобождение Польши в качестве одного из основных своих требований, на ряду с разрешением крестьянского вопроса и конституцией. «Вопрос о Польше требует немедленного практического разрешения, — читаем мы в № 2 «Великорусса». — Оно — вывод наших войск из Польши и всех земель, где масса народа или говорит по-польски, или привязана к прежней униатской вере, потому что во всех этих местах народ имеет если не имя поляков, то польский дух». Еще более резко высказывалась «Молодая Россия»: «Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россиею».

На такой же точке зрения в польском вопросе стояло и тайное общество «Земля и Воля».

Переговоры поляков с „Землей и Волей". Первоначальная подготовка Казанского заговора.

В. В. Берви в своих воспоминаниях передает любопытное сообщение, слышанное им в Сибири от поляков, сосланных за участие в восстании 1863 года.

«Когда готовилось польское восстание, — рассказывает Берви, — представители либерализма, как из среды русских, так и из среды поляков, сделали собрание с целью установить между собой братство. После роскошного обеда и обильного возлияния они кинулись друг другу в объятия; вдруг среди восторженных братских поцелуев из угла раздается голос Чернышевского; своим высоким фальцетом он произносит слова: «Не верьте нам; мы вас обманем!»

«Трезвый и решительный вождь революционной партии, — поясняет Берви, — прекрасно понимал, что революция в России в этот момент была невозможна; для этого недоставало самого главного — народа» [1].

Трудно определить с точностью, в какой мере соответствует действительности это сообщение Бер-

---

[1] В. Берви-Флеровский. „Записки революционера-мечтателя." Изд. „Молодая Гвардия", 1929 г. стр. 132-133.

ви. Однако, в основном своем содержании оно представляется весьма правдоподобным. Несомненно, что еще задолго до восстания, вспыхнувшего в январе 1863 г., между польскими и русскими революционерами велись переговоры относительно совместного, единовременного выступления, которое предположительно намечалось на 1863 год. Вполне вероятно, что русские революционеры, среди которых господствовало убеждение о неминуемости повсеместного крестьянского восстания весной 1863 года, могли обнадеживать в этом отношении поляков. Не менее вероятно и то, что Чернышевский, скептическое отношение которого к возможности революции в России подтверждается рядом документальных данных, мог высказать предостережение, приписываемое ему Берви.

Как бы то ни было, предостережение это оправдалось в полной мере. Русские революционеры, в лице тайного общества «Земля и Воля», с которым поляки вели переговоры, действительно «обманули» поляков и не смогли оказать им сколько-нибудь заметную поддержку.

Незадолго до восстания, в декабре 1862 года, в Петербург приехал для окончательного соглашения с русскими революционерами член польского Центрального Народного Комитета Сигизмунд Падлевский [1], который еще до этой поездки в Петербург совместно с другим членом Центрального Народного Комитета Гиллером ездил в Лондон для

[1] Позднее, во время восстания, Падлевский был взят в плен русскими войсками и в мае 1863 г. казнен.

переговоров с Герценом, Огаревым и Бакуниным. В Лондон Гиллер и Падлевский привезли письмо Центрального Народного Комитета, излагавшее основную программу будущего восстания. Программа эта сводилась к восстановлению Польши в тех границах, которые она имела в 1771 году, до ее раздела, к провозглашению свободы и самоопределения всех национальностей, обитающих на территории будущей Польши, и предоставлению крестьянам в собственность земель, которые ими обрабатываются [1]. Герцен и его друзья выразили согласие с этой программой и обещали содействовать по мере сил успеху восстания.

Приехав в Петербург, Падлевский установил связь с Центральным Комитетом «Земли и Воли», который поручил своим членам — А. А. Слепцову и Н. И. Утину — вести переговоры с Падлевским. Представители «Земли и Воли» выразили полное согласие с программой, изложенной в только-что упомянутом письме польского Центрального Комитета, но были крайне осторожны в вопросе о поддержке задуманного поляками восстания. Они откровенно объяснили Падлевскому, что революционная организация в России возникла еще недавно и не обладает большими силами и что во всяком случае революция в России немыслима ранее мая будущего года. Поэтому они просили поляков в лице Падлевского не начинать восстания

---

[1] Письмо Центрального Комитета было опубликовано в № 146 „Колокола"; перепечатано в XV томе собрания сочинений А. И. Герцена, стр. 503-505.

до этого срока, предупреждая, что в противном случае они не будут в состоянии подать полякам никакой помощи.

С таким малоутешительным ответом Падлевский вернулся в Варшаву. Предостережения представителей «Земли и Воли» не могли предотвратить или отсрочить восстание. Когда же оно вспыхнуло, «Земля и Воля» оказалась не в состоянии доставить какую-нибудь помощь полякам. Единственный шаг, сделанный в этом направлении «Землей и Волей», свелся к изданию в середине февраля 1863 года прокламации, начинающейся словами: «Льется польская кровь, льется русская кровь». В этой прокламации Центральный Комитет «Земли и Воли», обращаясь к офицерам и солдатам русской армии, призывал их не обагрять рук своих польской кровью и не позорить себя преступным избиением поляков, а обратить свой меч на общего врага и освободить Россию от виновника всех народных бедствий — императорского правительства [1].

Не бо́льшим успехом, чем миссия Падлевского, увенчалось другое обращение польского Центрального Комитета к «Земле и Воле» — уже после начала восстания. В середине марта 1863 года поляки письменно обратились к «Земле и Воле» с просьбой о поддержке. Русский Центральный Комитет ответил, что не может помочь полякам ни-

[1] Прокламация эта перепечатана в XVI томе собрания сочинений А. И. Герцена, стр. 151-155.

чем, кроме влияния на русское общественное мнение.

Еще до этого в Петербург приехал агент польского Центрального Комитета Иероним Кеневич.

Сын польского эмигранта, переселившегося после восстания 1830—1831 годов, в котором он принимал участие, во Францию и принявшего французское подданство, Иероним (Жером)-Станислав Феликсович Кеневич родился в 1834 году во Франции; позднее он переселился в Россию и по профессии был железнодорожным инженером. Одно время он жил в Москве и приобрел значительные связи в московском обществе. Кеневич несомненно был человеком незаурядным, что, как мы увидим ниже, должны были признать даже его враги.

По приезде в Петербург Кеневич обратился к «Земле и Воле» с предложением организовать крестьянское восстание в России, дабы отвлечь часть русских войск, действовавших в Польше, и тем самым облегчить положение повстанцев. Землевольцы ответили на предложение Кеневича отказом. Более или менее распространенного восстания, говорили они, поднять не удастся; возбудить же одну какую-нибудь волость значило бы вести людей на убой.

Получив такой ответ, Кеневич с согласия польского Центрального Комитета стал действовать самостоятельно. Он решил попытаться вызвать крестьянское восстание в приволжских губерниях, которое, постепенно распространяясь, перекинулось бы сперва на Дон, а затем на Украину и, со-

единившись с польскими повстанцами, полукольцом (с востока, юга и запада) охватило бы Россию.

Как видим, план был грандиозный. Но как привести его в исполнение? Поляки знали, что среди русских крестьян сильно распространено ожидание «новой воли» и что крестьянство надеется получить эту волю от царя, который, по убеждению крестьян, давно бы уже дал ее, если бы только ему не препятствовали помещики.

Учитывая эти обстоятельства, поляки решили прибегнуть к подложному царскому манифесту, дарующему крестьянам землю и волю.

Потерпев неудачу у петербургских землевольцев, поляки нашли более сочувственное к ним отношение в Москве. По просьбе родственника С. Падлевского по матери, Н. С. Скрыдлова, член московской организации «Земли и Воли» Юлий Бензенгер [1] составил подложный манифест, который вслед за тем был напечатан поляками в большом количестве в одной из легальных типографий норвежского города Фридрихсгама. Шрифт для печатания был украден наборщиком Людви-

---

[1] Бензенгер, студент Московского университета, выйдя с третьего курса, поступил в 1862 году, с согласия Московского Комитета „Земли и Воли", на военную службу с целью вести пропаганду среди солдат. В августе 1863 года он был арестован за участие в „буйстве" арестантов против караула и приговорен к каторжным работам на 17 лет. После приговора он прислал своему военному начальству рукопись с изложением своих революционных взглядов. Преданный за это военному суду, Бензенгер был приговорен к расстрелу, замененному бессрочной каторгой. О Бензенгере см. в XVII томе собрания сочинений А. И. Герцена, стр. 109-120 (там же текст рукописи Бензенгера), и в № 7 „Былого" за 1906 год.

гом Киявским из сенатской типографии в Петербурге, где он служил. По напечатании манифест был отправлен в Россию через Финляндию, а типография сожжена, чтобы скрыть все следы печатания от норвежского правительства, которому каким-то образом стало известно о том, что происходило в типографии [1].

Приведем полностью текст составленного Бенгенгером и отпечатанного поляками манифеста:

«Божиею Милостию Мы, Александр Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верноподданным.

В постоянной заботливости Нашей о благе всех верноподданных Наших, Мы, Указом в 19 день Февраля 1861 года, признали за благо отменить крепостное право над сельским сословием Богом вверенной нам России.

Уступая просьбам помещиков, Мы, как ни тяжело было Нашему Монаршему сердцу, повелели однако всем временно-обязанным крестьянам оставаться в течение двухлетнего срока, т. е. до 19 февраля настоящего 1863 года, в полной подчиненности у их бывших владельцев.

[1] Так сообщает о печатании манифеста М. К. Лемке на основании сообщения приятеля Скрыдлова—Г. П. Гофштетера. (Полн. собр. сочин. А. И. Герцена, т. XVI, стр. 337). По сведениям же русских тайных агентов в Париже, Кеневич, приехав туда в мае 1863 года, рассказывал польским эмигрантам, что манифест, в составлении которого он принимал участие, был отпечатан в Вильно.

Ныне, призвав Всемогущего на помощь, настоящим Манифестом объявляем полную свободу всем верноподданным Нашим, к какому бы званию и состоянию они ни принадлежали. Отныне свобода веры и выполнение обрядов ее церкви составят достояние всякого.

Всем крестьянам, как бывшим крепостным, так и государственным, даруем в определенном размере землю, без всякой за оную уплаты как помещикам, так и Государству, в полное—неотъемлемое и потомственное—их владение.

Полагаясь на верность народа Нашего и признав за благо для облегчения края упразднить армию Нашу, Мы отныне впредь и навсегда освобождаем Наших любезных верноподданных от всякого рода наборов и повинностей рекрутских. Затем, солдатам армии Нашей повелеваем возвратиться на место их родины.

Уплата подушных окладов, имевших назначением содержание столь многочисленной армии, со дня издания сего Манифеста отменяется. Всем солдатам, возвращающимся из службы, также всем дворовым людям, фабричным и мещанам повелеваем дать без всякого возмездия надел земли из казенных дач обширной Империи Нашей.

В каждой волости, равно в городе, избирают четырех пользующихся его доверием человек, которые, собравшись в уездном городе, изберут совокупно уездного старшину и прочие уездные власти. Четыре депутата от каждого уезда, собравшись в губернский город, изберут губернско-

го старшину и прочие губернские власти. Депутаты от каждой губернии, призванные в Москву, составят Государственный Совет, который с Нашею помощью будет управлять всею Русскою землею.

Такова Монаршая воля наша!

Всякий, объявляющий противное и неисполняющий сей Монаршей воли Нашей, есть враг Наш. Уповаем, что преданность народа оградит престол наш от покушений злонамеренных людей, неоправдавших Наше монаршее доверие.

Повелеваем всем подданным Нашим верить одному Нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемые их начальниками, если генералы, губернаторы, посредники осмелятся силою воспротивляться сему Манифесту, да восстанет всякий для защиты даруемой Мною свободы и, не щадя живота, выступит на брань со всеми дерзающими противиться сей воле Нашей.

Да благословит Всемогущий Господь Бог начинания Наши! «С Нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с Нами Бог!»

Дан в Москве, в тридцать первый день Марта, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят третее, Царствования же нашего в девятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДР».

Печатан в Санктпетербурге при Правительствующем Сенате».

Если манифест был приноровлен для воздействия на темную крестьянскую массу, которая могла бы поверить в его подлинность, то для пропаганды среди интеллигенции поляки при помощи московских землевольцев, в частности того же Бензенгера, изготовили две прокламации, исходящие якобы от тайного общества «Земля и Воля». Одна из них была озаглавлена «Земля и Воля. Временное Народное Правление», а другая «Земля и Воля. Свобода вероисповедания». Где, кем и как были напечатаны эти прокламации, нам неизвестно.

Чтобы познакомиться с этими прокламациями, приведем содержание второй из них.

Прокламация начиналась с указания на то, что в феврале 1861 года народ был обманут царем, не давшим народу настоящей воли. Затем авторы прокламации писали:

«Бросьте, русские люди, надежду на милость царя: ведь он сам на словах и в указах объявил, что другой воли не будет, кроме той, которая объявлена в положении 19 февраля 1861 года; а заявите дружно ваши справедливые требования. Сломите силою силу, которая давит вас столько веков. Враги наши не легко уступят власть свою, и если мы будем восставать отдельно, как восстали теперь отдельные деревни, то нас будут бить, как били в Бездне, и тиранить, как везде тиранят, но если все будем действовать заодно и в одно время, то против нас не устоит никакая армия. Ведь нас миллионы. Ополчитесь же ныне, угне-

тенные и страдальцы, по всей земле русской против насилия и неправды, идущих от царя и его сподвижников. Пусть в эту священную минуту никто из нас не осквернит рук своих ни грабежом, ни воровством, ни убийством безоружного человека. Иначе мы отвернемся от него, как от изменника. Силой станем действовать только против силы, и чем правильнее поведем мы дело, тем вернее успех. За нас будет бог и все честные люди!

Победив врага, мы получим землю безвозмездно и вверим суд и расправу не кровопийцам-чиновникам, а выбранным из среды нас честным и умным людям. Тогда восторжествует правда, и воцарится счастье на земле русской, и от века до века будут славить вас все народы, как героев свободы и истины, а потомки наши с благоговением и гордостью станут вспоминать о нас!»

Изготовив прокламации и манифест, Кеневич приступил к дальнейшей подготовке восстания. Местом для его начала была избрана Казань. Чем руководствовался Кеневич при этом выборе? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется остановиться на роли Казани, как одного из крупнейших революционных центров в эпоху шестидесятых годов.

Революционная Казань начала шестидесятых годов.

Единственный на все среднее и нижнее Поволжье университетский город, Казань была крупным умственным центром, привлекавшим к себе

молодежь не только из Казанской и смежных с нею губерний, но и из далекой Сибири: в Сибири в то время не было ни одного университета, и почти все сибиряки, жаждавшие получить высшее образование, отправлялись в Казань, как ближайший университетский центр. На ряду с университетом, в Казани была духовная академия, в которой также воспитывалось много молодежи. Не говоря уже про академию, студентами которой были исключительно выходцы из духовного звания, надо отметить, что и казанский университет по социальному составу своих студентов был наиболее демократическим из всех русских университетов того времени. Немногочисленное сравнительно дворянство приволжских и приуральских губерний предпочитало отправлять своих сыновей в один из столичных университетов. В казанском же большинство учащихся было сыновьями сельского духовенства, средних и мелких чиновников, мещан и других непривилегированных сословий. Другими словами, Казанский университет был по преимуществу «разночинским».

Такой состав студенчества создавал в Казани крайне благоприятную почву для распространения оппозиционных и революционных идей. На протяжении первых лет царствования Александра II ни в одном из русских университетов не было такого большого количества различных столкновений между студентами и полицией, различных студенческих «историй», «беспорядков» и волнений, как в Казанском.

Началось с мелких протестов против стеснительных университетских правил, против той почти военной дисциплины, которую во времена Николая I университетское начальство старалось внедрить среди студенчества, против требования соблюдения студентами установленной формы одежды и так далее. На эти протесты университетское начальство отвечает усиленными репрессиями: выговорами, карцерами и даже удалением из университета. Такие взыскания налагаются и за небрежный поклон инспектору, и за ношение длинных усов и бороды, и за посещение райка театра, и за хождение по трактирам, и за курение табаку, и за расстегнутый сюртук, и за отсутствие галстука на шее и так далее, и так далее. Все эти мелкие столкновения бытового характера были крайне показательны в том отношении, что свидетельствовали о нежелании студентов подчиняться тем порядкам, которые они покорно признавали в сороковых и в начале пятидесятых годов. Единоличные протесты завершились коллективным выступлением, вызвавшим в свое время много шума.

В 1857 году студент Иван Умнов по какому-то поводу «нагрубил» инспектору. По жалобе последнего попечитель учебного округа вызвал Умнова и стал делать ему выговор. Умнов отвечал грубостями. Узнав, что Умнову грозит строгое взыскание, его товарищи устроили сходку в актовом зале и освистали пришедших туда инспектора и попечителя. Началось расследование. Ум-

нов, как «зачинщик беспорядков», был отдан в солдаты[1]. Но пострадал не он один: инспектор и попечитель были вынуждены уйти в отставку. Студенты ликовали, расценивая их отставку, как свою победу.

Этот эпизод оказал большое влияние на дальнейшее развитие студенческого движения.

Изложив дело Умнова, историк казанского студенческого движения шестидесятых годов говорит: « В Казани и в других городах Поволжья укореняется мнение, что студенты составляют силу, с которой нужно считаться; среди студентов начинает преобладать убеждение, что они составляют не только самостоятельный элемент в университете, то-есть что не только имеют право самостоятельно заведывать своими студенческими делами... но и элемент, могущий влиять на ход вообще университетской жизни, вести особую, свою университетскую политику»[2].

Действительно, с 1857 года в Казанском университете начинают возникать различные студенческие организации. Собираются сходки студентов для обсуждения их нужд и потребностей. Выбираются делегаты для заведывания студенческими делами. Появляется касса взаимопомощи и студенческая библиотека, в которой, на ряду с легальными журналами и книгами, можно найти и запретные герценовские издания. Возникает

---

[1] Вскоре Умнов был возвращен в университет.

[2] Н. Фирсов. „Студенческие истории в Казанском университете 1855-1863 годов.“ „Русская Старина“, 1889 г. № 3, стр. 564.

студенческий суд для публичного и гласного разбора различных проступков студентов, недопустимых с точки зрения студенческой этики. Как и в других русских университетах того времени, в Казанском — корпоративная жизнь студенчества получает широкое развитие.

Не ограничиваясь своими собственными, узко студенческими делами, студенты начинают вмешиваться в университетскую жизнь и в первую очередь — в постановку преподавания.

Профессорский состав Казанского университета в то время находился далеко не на высоте. Было немало профессоров, совершенно опустившихся и за старостью лет переставших следить за наукой. Их лекции не могли удовлетворять слушателей. И вот на протяжении 1859—1861 годов студенты предъявляют требования об удалении ряда профессоров и о замене их более молодыми и осведомленными людьми. Некоторые профессора, возбудившие недовольство студентов, сами выходят в отставку, другие же из них отказываются сделать это добровольно. Тогда студенты прибегают к обструкции, происходят столкновения их с начальством, начинаются возбужденные и шумные сходки, и молодежь не успокаивается до тех пор, пока не добивается исполнения своих требований.

Одновременно с ростом академической активности студенчества растет и политический уровень его. Среди студентов возникают кружки, группирующиеся обычно по месту родины студентов и обучения их до университета. Это — прообраз

позднейших землячеств, получивших такое широкое распространение в русских университетах. Члены таких кружков устраивают регулярные собрания, читают на них новые номера журналов, горячо обсуждают прочитанное, устраивают рефераты и тому подобное. Помимо общих причин, о которых нам пришлось говорить выше, росту политического сознания казанских студентов и повышению в их среде революционного настроения много способствовали два события, оказавшие громадное влияние на студенчество. Одним из них было появление на университетской кафедре такой яркой фигуры, какой был А. П. Щапов. Другим — нашумевшее на всю Россию «бездненское» дело.

Щапов начал чтение лекций по русской истории 11 ноября 1860 года и с первого же раза произвел громадное впечатление на студентов. Один из его слушателей, свидетельство которого особенно любопытно для нас, так как нам придется встретиться с ним ниже, как с участником казанского заговора, К. В. Лаврский, в своих воспоминаниях так описывает первое выступление Щапова.

Щапов начал лекцию словами: «Не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории». Эти слова, по свидетельству Лаврского, «произвели целый переполох, длившийся несколько минут: вся масса, точно морская волна, набегающая на бе-

рег, как-то разом подалась вперед, ближе к кафедре; ряды стульев моментально смешались, все были на ногах; прошло еще несколько минут, и Щапов стоял на своей кафедре, окруженный со всех сторон тесной толпой студентов; внизу у кафедры, цепляясь за ее края, кругом, — на стульях, на плечах друг у друга, на самой кафедре, рядом с профессором, почти стесняя его,— всюду лепились фигуры, изображающие из себя самое усиленное внимание, наэлектризованные вдохновенною речью, затаившие дыхание...».

Когда же Щапов кончил лекцию, «несколько минут еще в зале длилась мертвая тишина, но вдруг, как гремучий удар летней грозы, разразился страшный гром рукоплесканий. Это продолжалось с минуту, толпа не двигалась с мест, продолжая руконлескать... Потом начались какие-то восторженные крики, наконец, ко всему этому присоединился оглушительный треск мебели, ломавшейся под напором толпы... Все куда-то спешили, бежали, сами не зная куда, и, думаю, не прошло получаса, как весь город знал о необычайном событии, совершившемся в университете».

С этих пор Щапов стал кумиром казанской молодежи. «В тот короткий период, пока г. Щапов занимал у нас кафедру русской истории,—рассказывает Лаврский,—он, можно сказать, царил в университете: каждое его появление на кафедре было своего рода триумфом; долгое время в тот час, когда читал г. Щапов, все остальные профессора прекращали свои лекции; клиника и анато-

мический театр пустели; у подъезда университета был съезд экипажей, так как городская публика тоже приходила в движение и стремилась послушать «знаменитость» на кафедре, как сбегается слушать «знаменитость» на сцене... Одно время во всем городе только и речи было, что о Щапове, а о студентах и говорить нечего: они ходили, как ошалелые от восторга»[1].

На своих лекциях Щапов учил слушателей, что предметом истории является жизнь народа, а не его правителей. Он говорил, что только тот политический строй прочен и вековечен, который основывается на самодеятельности народа. Щапов проповедывал необходимость широкого самоуправления, начиная с мелких сельских и городских «миров» и кончая Земским Собором, ведающим дела всего государства. Он был сторонником федеративного государственного устройства и считал большим злом полное подчинение окраин центру, лежавшее в основе русского государства. Эти мысли он развивал с кафедры. Они были новы для его слушателей, необычны в устах профессора и потому не могли не производить громадного впечатления на пылкую университетскую молодежь. Однако университетская карьера Щапова была непродолжительна: вскоре ему пришлось прервать чтение своих лекций; это было результатом упомянутого нами «бездненского» дела.

[1] Л. О. „Из воспоминаний казанского студента". Сборник „Первый шаг". Казань, 1876 г., стр. 405-413.

Мы говорили уже о той волне крестьянских беспорядков и «бунтов», которая прокатилась по России в 1861—1862 годах. Она не могла, конечно, миновать и Казанской губернии.

Как и в других местностях России, в Казанской губернии крестьяне давно уже ждали «волю». «Года за три до 1861 года,—рассказывает внимательный наблюдатель крестьянской жизни этой губернии,—народ в каждом необычном проезжающем видел вестника воли. С ярмарок, с базаров и с богомолий всегда крестьяне привозили новости о воле. Рассказы велись на все лады: как царь посылал волю в бочках с икрой, в ящиках засмоленных, но господа умеют пронюхать и выкрадут. Пробовал царь и через своих верных людей пересылать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили в острогах»[1].

При первых же слухах о манифесте 19 февраля среди крестьян распространилась уверенность, что они получают полную волю, что все обязанности их по отношению к помещикам отменены, что вся помещичья земля должна быть разделена между крестьянами. Поэтому крестьяне почти повсеместно перестали выходить на барщину. Отношения между ними и помещиками настолько обострились, что в некоторых имениях сами помещики не стали более наряжать крестьян на работу, а в иных из страха перед крестьянами спешно

[1] Н. А. Крылов. „Воспоминания мирового посредника". „Рус. Старина" 1892 г., № 4, стр. 82-83.

уезжали в города. Началась порубка помещичьих лесов, в некоторых местах производившаяся крестьянами в организованном порядке.

Когда крестьянам стало известно, что еще в течение двух лет они должны пребывать в повиновении помещикам и исполнять прежние обязанности, они решили, что помещики снова хотят утаить от народа объявленную волю. Когда же на места пришел текст положений, крестьяне через полуграмотных чтецов стали искать, где же в нем скрыта настоящая воля. Опасаясь возникновения среди крестьян волнений в связи с неправильным истолкованием положений, казанский губернатор издал циркуляр о том, чтобы без дозволения начальства никто не читал крестьянам положений; всех же неправильных толкователей губернатор предписал немедленно арестовывать. Одновременно с этим сельские священники получили распоряжение от своего начальства о том, что всем церковнослужителям запрещается читать крестьянам и объяснять положения. Этими мерами рассчитывали парализовать распространение среди крестьян ложных слухов и толков. Однако результат оказался совершенно противоположным. Крестьяне еще сильнее уверились в том, что в положениях где-то скрывается «настоящая воля»; надо только ее во что бы то ни стало отыскать. И в это время по всей Казанской губернии распространился слух, что крестьянин села Бездна (Спасского уезда) Антон Петров нашел в

положениях истинную волю. Со всех концов в Бездну отправились ходоки к Петрову. Движение охватило три уезда Казанской губернии (Спасский, Чистопольский и Лаишевский) и некоторые смежные с ними местности Самарской и Симбирской губерний.

Антон Петров был темным и полуграмотным раскольничьим начетчиком. Изучая положения, он наткнулся на помещенный в приложении к ним примерный образец уставной грамоты, а там была фраза: «после 10-ой ревизии отпускаются на волю». Тут Антону Петрову стало все ясно. В этой фразе он нашел доказательство того, что настоящая воля была объявлена еще три года тому назад (10-ая ревизия была в 1858 году), но помещики утаили ее. Своим открытием Петров поспешил обрадовать крестьян. По его собственному показанию, он стал говорить крестьянам, «чтобы они не слушали помещиков и начальников, приказывал крестьянам не ходить на барщину, не платить оброка, не давать подвод, даже не препятствовать, когда крестьяне увидят, что другие будут брать из барских амбаров хлеб», и так далее.

Когда в Казани стало известно об агитации Петрова, в Бездну отправился генерал-майор граф Апраксин с войсками, чтобы усмирить крестьян и арестовать Петрова. 12 апреля 1861 года он прибыл туда и встретил огромную толпу крестьян, категорически отказавшихся выдать Петрова. Апраксин приказал войскам открыть огонь. Солдаты

сделали 4 залпа. Крестьяне разбежались, оставив на месте много убитых и раненых [1]. Петров был арестован, предан военному суду и 19 апреля расстрелян [2].

Расправа, учиненная Апраксиным в Бездне, отнюдь не убедила крестьян в том, что они ошиблись в ожидании «настоящей воли». Они продолжали волноваться. Спасский уездный предводитель дворянства писал казанскому губернатору, что хотя население и «подавлено страхом, но ничуть не покорено; при первом же раздражении, — а барщина столько подает к тому поводов, — опять возникнут волнения» [3]. Если в этих словах и было преувеличение, если после Бездны казанское крестьянство, напуганное расправой, притаилось и старалось воздерживаться от активных выступлений, то недоверие к объявленной реформе в его среде осталось надолго. Оно проявлялось, между прочим, в том, что крестьяне упорно отказывались подписывать уставные грамоты, опасаясь «закабалить себя подписом». В результате этого на всю Казанскую губернию к середине ноября

---

[1] По официальным сведениям убитых было 51, а раненых — 77, но эти цифры несомненно меньше действительных, так как многих пострадавших крестьяне унесли с собою.

[2] Относительно событий в Бездне имеется довольно большая литература. Наиболее полное описание их дает И. И. Игнатович в статье „Бездна“ в V томе сбор. „Великая реформа“, изд. Сытина, М. 1911 г.

[3] „Крестьянский бунт в с. Бездне, Спасского уезда, Казанской губ., в апреле 1861 года по письмам современников“. „Рус. Мысль“, 1911 г., № 4, стр. 107.

1861 года было заключено крестьянами добровольно только 4 уставных грамоты! [1].

Бездненские события произвели громадное впечатление на казанское студенчество. Оно почти открыто волновалось и высказывало свое негодование. Еще до усмирения Бездны казанский губернатор говорил своему адъютанту Пономареву, что он имеет основание ожидать больших беспорядков со стороны студентов [2].

Как только до Казани дошли сведения о расстрелах в Бездне, казанское студенчество решило организовать демонстративную панихиду по убитым. Панихида состоялась 16 апреля в кладбищенской церкви. На ней присутствовало много студентов университета и духовной академии. Был и Щапов. По окончании панихиды он взошел на амвон и произнес горячую речь.

Обращаясь к «другам, за народ убитым», Щапов говорил: «Вы первые нарушили наш сон, разбудили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш неспособен к инициативе политических движений... Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и к свободе».

---

[1] И. Игнатович. „Волнения помещичьих крестьян от 1854 г. по 1863 год". „Минувшие годы", 1908 г., № 10, стр. 232.

[2] Ф. А. Пономарев. „Из воспоминаний 1859—1861 годов" „Истор. Вестник", 1907 г. № 11, стр. 476.

Свою речь Щапов закончил словами: «Да здравствует демократическая конституция!» [1].

Эта речь имела весьма печальные последствия для Щапова. Он был арестован, отправлен в Петербург и навсегда расстался с Казанским университетом.

Бездненские события, тревожное настроение, охватившее во время их верхи казанского общества [2], ярко революционная речь Щапова, его арест — все это не могло не оказывать революционизирующего воздействия на казанскую студенческую массу. Это сказалось на волнениях, происшедших осенью 1861 года в университете.

Волнения, начавшиеся в то время в Петербургском университете, быстро перебросились в Москву и другие университетские города, в том числе и в Казань. В октябре 1861 года казанские студенты предъявили требование об удалении с кафедры устаревшего и неудовлетворявшего своих слушателей профессора Больцани. Возникшие в связи с неисполнением этого требования волнения, в которых принимало участие почти все казанское студенчество, закончились закрытием на

---

[1] „Красный Архив", 1923 г., т, IV, стр. 409—410.

[2] Н. А. Крылов в своих воспоминаниях рассказывает, между прочим, о разговоре своем во время бездненских событий с казанским губернатором Козляниновым, из которого Крылов убедился, что казанская администрация боится развития в губернии широкого крестьянского движения. „В Казани вспомнили,—пишет Крылов,—что в этом углу между Камою и Волгою был когда-то Пугачов, и вообразили, что Антон бездninский—его подражатель". „Воспоминания мирового посредника". „Рус. Старина", 1892 г., № 6, стр. 624.

время университета; в него была введена рота солдат, командиру которой было вверено управление университетом. Студенты, наиболее деятельно и активно участвовавшие в волнениях, подверглись исключению из университета. В их числе был студент Элпидин, с которым нам придется встретиться ниже.

1862 год был отмечен формированием в Казани ряда новых революционных кружков и объединением некоторых из них вокруг возникшего в этом году казанского отделения тайного общества «Земля и Воля». Настроение студенчества продолжало оставаться возбужденным и временами прорывалось в активных выступлениях. Так, например, в феврале 1863 года толпа студентов, замаскированных крестьянами, устроила обструкцию профессору Соколовскому, а в апреле большой переполох среди университетского начальства вызвала вывешенная в студенческой курильне рукописная прокламация, заключавшая в себе резкие выражения по адресу правительства. Автором этой прокламации оказался студент Красовский, который в связи с этим был арестован и выслан в Вологодскую губернию [1].

О том, насколько тревожным было положение в Казанском университете в месяцы, предшествовавшие казанскому заговору, можно судить по любопытному рассказу П. Д. Шестакова. Когда он, назначенный попечителем казанского учебного

[1] Н. Фирсов. Назв. соч. „Рус. Старина", 1889 г., № 6, стр. 430—432.

округа, приехал в Казань уже после раскрытия заговора, его предместник, сдавая ему дела, признался, что он «целый год ходил с револьвером в кармане» из опасения оскорблений со стороны студентов [1].

Все эти факты делают ясным, почему Кеневич остановился на Казани, как на городе, наиболее удобном для начала восстания.

Во-первых, Казань, как университетский центр Поволжья, являлась городом, в котором было сосредоточено значительное количество оппозиционно настроенной молодежи.

Во-вторых, Казань была довольно крупным по тем временам революционным центром.

Такие события, как волнения в Бездне и выступление Щапова, получили широкую огласку и не могли остаться неизвестными Кеневичу. Знал он, наверное, и о существовании в Казани революционно настроенных групп и кружков, в том числе и отделения «Земли и Воли».

В-третьих, Кеневич мог рассчитывать, что захват революционерами такого крупного центра, как Казань, должен произвести громадное впечатление во всем Приволжьи, где еще живы воспоминания о пугачевщине, и убедить народ в том, что повстанцы располагают большими силами и средствами.

Наконец, в-четвертых, Кеневич несомненно учитывал тот факт, что в войсках, расположенных в

---

[1] П. Д. Шестаков. „Тяжелые дни Казанского университета" „Русская Старина", 1896 г., № 12, стр. 523.

Казанской губернии, находилось много офицеров и солдат польского происхождения, со стороны которых попытка поднять восстание должна была встретить сочувственное отношение и активную поддержку.

Кеневич и Черняк.

Ближайшим помощником Кеневича в его казанских замыслах был поручик 48-го пехотного Одесского полка Максимилиан Андреевич Черняк. Сын помещика Волынской губернии, поляк по национальности, Черняк по окончании в 1857 году Киевского университета поступил на военную службу. В 1860 году он был отправлен в Петербург в академию генерального штаба, по окончании курса которой прикомандирован к петербургской комиссариатской комиссии. В Петербурге Черняк сблизился с кружком офицеров-поляков, группировавшимся вокруг двух офицеров генерального штаба: Домбровского, прославившегося позднее своим участием в восстании 1863 года и в Парижской Коммуне 1871 года, и другого видного участника восстания 1863 года — Сераковского.

Кружок этот поддерживал постоянные сношения с польскими заграничными эмигрантскими обществами, получал от них и распространял запрещенные в России польские сочинения и собирал денежные пожертвования в пользу эмигрантов.

Член этого кружка штабс-капитан Хамец в конце февраля 1863 года познакомил Черняка с Кеневичем. Последний, указав на огромные размеры, принятые польским восстанием, и сообщив, что Франция готова вступить в войну с Россией ради независимости Польши, убеждал Черняка оставить военную службу и принять участие в восстании. При этом Кеневич сообщил, что он, по поручению польского правительства, имел свидание с агентом русского революционного общества «Земля и Воля», который обнадежил его тем, что многие русские офицеры и солдаты перейдут в ряды повстанцев и что летом во внутренних губерниях, может быть, вспыхнет крестьянское восстание.

При вторичном свидании с Черняком Кеневич иначе рассказывал о своих сношениях с «Землей и Волей». Он сообщил, что это общество ставит своей задачей только письменную и устную пропаганду, в расчете, работая так хотя бы десятки лет, распространить во всем русском народе непоколебимое убеждение в необходимости ниспровержения существующего государственного строя. При этом тайное общество убеждено, что путем пропаганды ему в конце-концов удастся достигнуть своей цели «одною всеобщею волею без кровопролития». Таким образом, заключил Кеневич, на подготовку «Землей и Волей» восстания в России надеяться не приходится. Далее Кеневич сообщил Черняку, что польское революционное правительство решило поднять восстание в России

своими средствами, независимо от «Земли и Воли», хотя бы и прикрываясь, если это будет нужно, именем русских революционеров. В заключение Кеневич посвятил Черняка в свой план поднять приволжское крестьянство при помощи подложного манифеста.

Так рассказывал впоследствии в следственной комиссии сам Черняк о своих сношениях с Кеневичем.

Так как у Кеневича не было связи ни с одним из волжских городов, то он, по словам Черняка, спросил последнего, нет ли у него знакомств в этих городах. Черняк ответил, что у него в Казани имеется родственник, штабс-капитан Иваницкий, «человек решительный и готовый на все, что только может принести пользу польскому делу» [1].

Кеневич просил Черняка снестись с Иваницким и выяснить, насколько возможно в Казани выполнение выработанного им плана. Черняк согласился. Взяв отпуск, он поехал в Москву, где его ожидал приехавший туда ранее Кеневич. В Москве Кеневич сообщил Черняку окончательную инструкцию относительно его будущих действий в Казани. Черняк должен был через Иваницкого выяснить, нет ли в Казани какого-нибудь револю-

[1] В виду той роли, какую Иваницкому пришлось играть в казанском деле, не мешает привести характеристику его, сделанную участником этого дела Ив. Красноперовым в его воспоминаниях: „Это был очень интеллигентный, симпатичный молодой человек лет 30, привлекавший всех нас к себе недюжинным умом и безграничной преданностью революционному делу". Ив. Красноперов. „Записки разночинца". Изд. „Молодая Гвардия". М., 1929 г., стр. 94.

ционного общества. Если такое общество окажется, то Черняк должен был установить с ним связь и сообщить ему, что в обществе «Земля и Воля» произошел раскол, что значительное большинство его, во главе с Бакуниным, находит удобным начать восстание теперь же, воспользовавшись тем, что, благодаря польскому восстанию, русские войска отвлечены на запад. Далее Черняк должен был объявить, что он является агентом большинства, в удостоверение чего Кеневич дал ему рекомендательное письмо с подписью якобы Бакунина. Черняк должен был посвятить казанских революционеров в план поднять крестьян при помощи подложного манифеста и предложить им принять участие в этом деле.

Получив такую инструкцию, Черняк сперва написал Иваницкому письмо с просьбой подготовить почву в Казани, а затем сам отправился туда.

Так сам Черняк рассказывал впоследствии на допросе в следственной комиссии о своем сближении с Кеневичем и о первых шагах по подготовке восстания в Казани. Помимо показаний Черняка, до нас дошел рассказ о тех же событиях видного участника «Земли и Воли» шестидесятых годов, члена ее Центрального Комитета—А. А. Слепцова. Рассказ этот значительно дополняет показания Черняка и в то же время в некоторых отношениях находится в противоречии с ним.

По словам Слепцова, в Казани существовало отделение тайного общества «Земля и Воля». Отделение это имело крайне конспиративный харак-

тер; оно было организовано по типу общества иллюминатов [1], устав которого каким-то образом сделался известен казанским землевольцам. В основу организации было положено установление продолжительного срока испытания для лиц, желающих вступить в тайное общество, и постепенное ознакомление их с задачами и деятельностью отделения. Казанское отделение просуществовало до конца 1863 года, но проявляло весьма слабую деятельность в виду острой настороженности казанских властей после раскрытия ими подготовки восстания в Казани.

Черняк, по свидетельству Слепцова, был членом казанского комитета «Земли и Воли». Через него Кеневич предложил казанскому комитету принять участие в подготовке восстания. Однако казанский комитет, опираясь на постановление Центрального Комитета «Земли и Воли», не одобрил предложенного Кеневичем и Черняком активного выступления и предложил Черняку выйти из состава «Земли и Воли». Выйдя из тайного общества, Черняк продолжал, однако, выдавать себя за землевольца. Ему удалось вовлечь в заговор нескольких лиц, проходивших срок испытания для поступления в организацию «Земли и Во-

---

[1] Иллюминаты — тайное общество, основанное в 1776 году германским мистиком Вейсгауптом и ставившее официально своею задачею распространение просвещения и усовершенствование нравственности. Иллюминаты делились на разряды. Только высшему разряду посвященных была открыта тайная цель общества: замена христианской религии деизмом и монархии — республикой.

ли». Такими лицами были офицеры Станкевич и Мрочек и студент Иван Орлов, о которых нам придется говорить ниже.

«Местный комитет, — рассказывает Слепцов, — не счел нужным открывать себя ради приостановления пропаганды Черняка и Иваницкого, чтобы таким образом не вскрыть организацию среднеповолжского округа, тем более, что к ним присоединились люди, только-что вступившие в общество и не имевшие с ним никаких серьезных связей; какое-либо открытое выступление против Черняка было отвергнуто после беседы комитета с Кеневичем; последний уверил комитет, что при неудаче общество не испытает никаких неудобств, а при удаче он передаст все последствия восстания в руки местных комитетов, в доказательство чего представил письменное заявление Временного Народного Правительства».

Властям существование и деятельность казанского комитета «Земли и Воли» остались совершенно неизвестными. Никто из членов его за принадлежность к тайному обществу не пострадал. Только член комитета офицер Михайлов был привлечен к делу о казанском заговоре и осужден за недонесение о замыслах Черняка, ставших ему известными.

Этот рассказ Слепцова возбуждает сомнение в отношении принадлежности Черняка к казанскому комитету «Земли и Воли». Насколько нам известна его биография, Черняк, до приезда его в Казань в марте 1863 года в целях организации восстания,

никогда в Казани не был и не мог принимать участия в деятельности местных революционных групп. Никаких связей с этими группами он, по-видимому, не имел. Вот почему сообщение Слепцова в этом пункте вызывает весьма основательное сомнение. Однако мы не видим причин не доверять ему в остальном. В делах «Земли и Воли» Слепцов, как один из наиболее активных членов ее Центрального Комитета, был широко осведомлен. Косвенное подтверждение существования в Казани хорошо законспирированного комитета «Земли и Воли» мы находим в письме А. И. Герцена к польскому эмигранту Сахновскому. «В Казани, — писал Герцен, — комитет отлично устроен; это образец ума и логики; чорт знает, откуда они извлекли устав Вейсгаупта» [1].

Казанский студенческий кружок.

Мы говорили уже о том, что, прежде чем ехать в Казань, Черняк написал своему родственнику Иваницкому письмо с просьбою подготовить почву для дальнейшей деятельности по организации восстания и найти подходящих для этого дела людей. Прежде чем говорить о тех шагах, которые Иваницкий предпринял по получении этого письма, нам необходимо ознакомиться с самостоятельною деятельностью того студенческого кружка, с которым Иваницкий вступил в сношения.

---

[1] Герцен. Собр. сочин., т. XVI, стр. 201.

К сожалению, сведения, которыми мы располагаем относительно этого кружка, довольно скудны.

Один из участников казанского дела, поручик Мрочек, бывший, по известному нам свидетельству А. А. Слепцова, членом казанской организации «Земли и Воли», в своих показаниях рассказывал, что в Казани среди студенчества существовала обширная и планомерная революционная организация. Студенты были разделены на несколько кружков, находившихся в сношениях с Центральным Комитетом [1]. В одном из кружков, к которому принадлежало до 50 человек, председателем был «доктор», секретарем и «оратором»— студент Полиновский, студент Сергеев — казначеем, Жеманов, Ив. Орлов и некоторые другие — старшими членами, Лаврский, Красноперов, Шулятников [2] и остальные — младшими членами. Кружок этот носил название старшего. «Все эти лица, — рассказывал Мрочек, — вполне сочувствовали революционному движению, но, не имея ни средств, ни познаний о военной тактике, решились ждать, когда начнутся действия в Петербурге и Москве, пока же ограничиться распространением прокламаций». Лица, ходившие в народе с прокламациями, назывались «апостолами». Такими апостолами были Ив. Орлов, Бирюков, Полиновский, Щербаков и другие.

[1] Весьма вероятно, что, говоря о центральном комитете, Мрочек имел в виду комитет казанского отделения „Земли и Воли".

[2] Ниже мы увидим, что все эти лица принимали участие в казанском заговоре.

Эти показания Мрочека, как мы убедимся, подтверждаются и другими данными.

Прежде всего надо указать, что поименованные Мрочеком студенты не отрицали существования такого кружка. Они говорили лишь или что кружок этот был исключительно литературно-товарищеским, или что «кружок в таком количестве членов и с такими подробностями был вымышлен, чтобы Черняк говорил с ними откровеннее».

Несомненно, что о том же кружке сообщал в феврале 1863 года попечитель казанского учебного округа Стендер местному губернатору. По словам Стендера, в Казани существовал тайный клуб под предводительством лекаря Бургера и доктора Петрова, в котором принимали участие преимущественно студенты университета до 50 человек.

На каком же основании мы полагаем, что Стендер сообщал о том же кружке, что и Мрочек? На том, что упомянутый им «лекарь Бургер», хотя и не привлеченный к ответственности по делу о казанском заговоре, принимал в нем, как мы увидим ниже, не меньшее участие, чем многие из студентов, понесших по этому делу наказание.

Воспитанник Казанского университета Ф. И. Бургер, в бытность свою студентом, участвовал в студенческих организациях; в октябре 1861 года он привлекался к ответственности в связи с студенческими волнениями, в результате которых универ-

ситет был временно закрыт [1]. По окончании курса Бургер поступил на службу в университет на должность помощника инспектора студентов и студенческого врача. Близость его со студентами не прерывалась; он продолжал поддерживать дружеские отношения с ними. Повидимому, он и был тем «доктором», который, по свидетельству Мрочека, состоял «председателем» студенческого кружка [2].

Во всяком случае участие его в переговорах с Черняком, о чем мы будем говорить ниже, свидетельствует, что Бургер был деятельным членом кружка. Однако роль его в казанском заговоре не была установлена следствием, хотя Черняк в своих показаниях и называл его фамилию. Студенты на следствии упорно выгораживали Бургера, несмотря на прямые подсказывания следственной комиссии. Безрезультатным был и обыск, произведенный у Бургера; он был заранее предупрежден об обыске и успел подготовиться к нему.

Сведения, сообщенные о студенческом кружке Мрочеком, частично подтверждаются тем, что один из участников этого кружка, Ив. Красноперов, говорит о нем в своих воспоминаниях. Как и Мрочек, Красноперов говорит о существовании в

---

[1] Н. А. Фирсов. „Студенческие истории в Казанском университете в 1855—1863 годах". „Рус. Старина", 1889 г., № 7, стр. 67.

[2] Однако возможно, что Мрочек имел в виду не его, а упоминавшегося в сообщении Стендера доктора Петрова. Этот Петров в 1861 году привлекался в Саратове по делу об устройстве Христофоровым и другими рабочих артелей.

Казани ряда студенческих кружков. Однако «душою и центром» студенческих сборищ был кружок историко-филологический, привлекавший к себе студентов из других факультетов: медицинского, юридического, естественного. У кружка была своя большая библиотека, состоявшая из книг научного и беллетристического содержания. Члены кружка собирались раз в неделю, по четвергам. На их собраниях обсуждались всевозможные вопросы, касающиеся науки, студенческой жизни, а также вопросы общественные и политические; иногда читались сочинения научного содержания... Всякого рода предосудительные со стороны студентов поступки подвергались обсуждению на собраниях кружка, собиравшегося большею частью в стенах же университета, в курительной комнате; на эти собрания допускались все студенты. В библиотеку кружка выписывались журналы « Современник», «Русский Вестник», «Искра» и другие. Был, конечно, и «Колокол» Герцена[1].

Разумеется, у такой неоформившейся организации, какой являлся кружок, не могло быть определенной политической программы. Члены кружка на своих сходках говорили «о свободных политических учреждениях, о широком просвещении народа, о наделении помещичьих крестьян большим количеством земли, чем сколько им было отведено по уставным грамотам». «Но, — говорит Красноперов, — как всего этого достигнуть на

[1] И. М. Красноперов. „Записки разночинца". Изд. „Молодая Гвардия". М., 1929 г., стр. 72—73.

практике, мы хорошенько себе этого не представляли. Все наши рассуждения носили чисто теоретический характер»[1]. Члены кружка признавали необходимым, чтобы Земский Собор из выборных всей земли в качестве Учредительного Собрания решил вопрос о будущей форме правления, выработал конституцию и предоставил в пользование крестьян всю землю[2].

Как мы убедимся ниже из анализа социального положения участников казанского заговора, состав кружка отличался глубоким демократизмом. Подавляющее большинство его членов было выходцами из духовного и податных сословий. Члены кружка с детских лет находились в соприкосновении с народом и хорошо знали условия его жизни и его нужды. В высшую школу они принесли с собой глубокое, органически присущее им народолюбие.

«Я жил и вырос между крестьянами, — говорил про себя на следствии сын деревенского пономаря Ив. Красноперов, — товарищами моих первых детских игр всегда были крестьянские мальчики, и я никогда не могу без слез смотреть на жалкую, несчастную жизнь крестьян, страдающих от деспотизма чиновничества. Бедный народ! Когда хотя сколько-нибудь облегчится твоя участь!»

Другой участник казанского заговора, сын сельского дьячка Бирюков, «при долгом обращении с крестьянами насмотрелся на труженическую жизнь

---

[1] Там же, стр. 91—92.
Там же, стр. 95.

мужика и не мог не полюбить его, не мог не уважать народ».

Мы уже знаем, как широко была распространена по России в начале шестидесятых годов уверенность в том, что крестьянское восстание близко, что оно должно повсеместно вспыхнуть весной или летом 1863 года. Члены казанского кружка разделяли эту уверенность и деятельно готовились к грядущей революции, горя желанием принять в ней участие.

Один из членов кружка, Лаврский, сообщал в письме к своему приятелю: «Лекции университетские ныне не занимают студентов... У всех в голове и сердце скоро грядущее великое дело... У вас тишь и глушь, а здесь слышится и готовится извержение вулкана».

Готовясь принять участие в приближающемся восстании, члены кружка решили научиться владеть огнестрельным оружием. Было признано необходимым, чтобы каждый член кружка запасся ружьем. Все очень охотно согласились на это, но результаты получились довольно печальные. Вот что рассказывает по этому поводу И. Красноперов:

«Я купил для себя старое, ржавое ружье на толкучем рынке за 1 р. 50 коп. Так как дуло ружья свободно отделялось от ложа, то я и привязал его в двух местах бечевкой. Какие были ружья моих товарищей, — не помню.

Зимой 1863 года, в один из праздничных дней, кажется, в январе, мы собрались, помнится, в числе десяти человек, с ружьями на плечах, среди

бела дня и преважно пошли по главной, Воскресенской улице, в конце которой, перед крепостью, спустились под гору и направились к мельнице на реке Казанке. Никто на нас из прохожих не обратил серьезного внимания.

Там, на обледенелой реке, любезный мельник поставил большую, высокую льдину, а к ней прислонил доску, в которую мы и должны были палить из ружей.

У меня сильно билось сердце, когда дошла очередь до моей стрельбы.

Мне зарядили ружье.

Не помню, что со мной было, когда я выстрелил. Я долго лежал оглушенный на снегу; в ушах и голове у меня звенело и шумело. Дуло ружья было отброшено в одну сторону, ложе, уже изломанное, — в другую. Остатков ружья я так и не подбирал и ушел домой с пустыми руками. «Хорошо, что хоть жив остался», думал я.

С тех пор мы ни разу не ходили учиться стрельбе, так как ни у кого из товарищей ружей больше не было» [1].

Этот случай не охладил революционного пыла членов кружка, но побудил их направить свою энергию в другую сторону. Они решили заняться пропагандой в деревне в видах подготовки крестьян к восстанию и для этой цели объехать Казанскую и ближайшие к ней губернии. Члены кружка, решившие принять участие в этом «хождении

---

[1] И. М. Красноперов. Названн. сочинение, стр. 92—93.

в народ», предвосхищавшем революционную практику семидесятых годов, называли себя «апостолами».

В виду того, что «апостольские» путешествия студентов закончились рядом арестов, ослабивших их кружок и тем самым отразившихся на общем ходе казанского заговора, мы должны остановиться на них и ознакомиться с пропагандистскими приемами того времени. Но раньше необходимо остановиться на той прокламации, которую казанские студенты распространяли в народе во время своих путешествий.

Прокламация эта не имела заглавия. Начиналась она словами: «Долго давили вас, братцы, мучили работой, секли розгами и кнутами, водили жен и дочерей ваших к барину; все вы терпели, все надеялись, вот-де батюшка-царь вспомнит об нас, бедных, да и защитит нас». Далее в прокламации говорилось о том, что царь обманул ожидания народа, не дав ему настоящей воли. На царя надеяться нечего; бары да помещики его первые советники; вот почему он и помогает сильным угнетать слабых. Надеяться надо не на него, а на самих себя. Однако не надо «затевать дело по кучкам», надо действовать всем разом. Когда все будут готовы, тогда царь не посмеет отказать ни в чем. Требовать же от него нужно передачи всей помещичьей земли народу, определения и расходования податей выборными от народа и выборности чиновников и судей.

Таково вкратце было содержание прокламации [1].

Когда она была издана? На этот вопрос можно дать довольно точный ответ. В прокламации имеется фраза: «Восьмого сентября нынешнего года праздновал царь в Новгороде тысячелетие России»... Из этой фразы видно, что прокламация была написана в четвертом квартале 1862 года.

Кем она была составлена, неизвестно. В литературе принято считать ее автором упоминавшегося нами выше казанского студента Ивана Умнова, умершего в июле 1863 года. Утверждение это основано на показании участника Казанского заговора, уже известного нам Ив. Орлова, который на допросе показал: «Автором и издателем прокламации был Умнов (старший)». Трудно сказать, насколько можно доверять этому показанию. В то время, как и позже, в большом ходу среди привлекавшихся по политическим делам были ссылки на умерших, весьма удобные в том отношении, что они не допускали проверки. Возможно, что и в этом случае мы имеем дело с такою ложною ссылкою. Однако в конце-концов важно не то, кто был автором прокламации, а то, кем она была издана.

Имеются весьма веские основания предполагать, что она вышла из того самого кружка студентов, который принимал участие в казанском заговоре. В пользу этого предположения прежде всего гово-

---

[1] Полностью она приводится нами в приложении.

рит тот факт, что прокламация эта в значительном количестве распространялась именно этим кружком. Затем у нас имеются указания, что члены кружка считали эту прокламацию «своей». Как мы увидим ниже, ее они читали приехавшему в Казань Черняку, противопоставляя ее тому подложному манифесту, распространять который предлагал им Черняк. Мрочек в своих показаниях рассказывает, что в его присутствии на квартире Полиновского читались прокламации «Свобода» (изданная тайным обществом «Земля и Воля») и другая, относительно которой Полиновский выразился: «Вот эта хороша, ее писал один из наших». Несомненно, что этой «другой» прокламацией могла быть только та, которая в настоящее время интересует нас. Наконец, в 1867 году за границей член казанского студенческого кружка Элпидин, о котором нам придется говорить ниже, рассказывал одному русскому, что он научился печатанию еще в бытность свою в Казани, где ему пришлось участвовать в набирании статей в типографии одного революционного кружка [1]. Без сомнения, этот рассказ относится к прокламации «Долго давили вас, братцы», так как никаких других революционных изданий в те годы в Казани не выходило. Все это убеждает нас в том, что интересующая нас прокламация была издана тем именно студенческим

[1] См. нашу книгу „Революционное подполье в эпоху белого террора“, М, 1929 г., стр. 72.

кружком, члены которого приняли участие в казанском заговоре [1].

Где и как печаталась прокламация «Долго давили вас, братцы», неизвестно. Однако несомненно, что один типографский станок в то время в Казани был и что будущие участники казанского заговора о нем знали [2]. Об этом говорит Элпидин в своих воспоминаниях о казанском заговоре.

По его свидетельству, тайный печатный станок находился в распоряжении некоего поручика Пушкарева, уволенного со службы за воровство и грубое обхождение с подчиненными. Пушкарев этот играл двойственную роль: с одной стороны, он состоял на службе в III отделении, с другой — брал деньги и с революционеров за оказываемые им услуги. Типографский станок Пушкарев получил от III отделения [3].

---

[1] Это предположение не исключает того, что автором прокламации действительно мог быть Ив. Умнов. Имеется ряд указаний, свидетельствующих о том, что если Умнов и не был членом того же кружка, то, во всяком случае, был близок с его членами и в частности с Элпидиным, вместе с которым он еще в 1861 году принимал деятельное участие в студенческих волнениях.

[2] Ив. Орлов в своих показаниях говорил, что в Казани зимой 1862—1863 года было два типографских станка.

[3] В. Богучарский. „Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах". Париж, 1905 г., стр. 187. В основном своем содержании рассказ Элпидина вполне соответствует действительности. Станок действительно был дан ему с ведома III отделения в целях раскрытия средне-поволжской революционной организации, с которой Пушкарев имел некоторые связи. Этот характерный эпизод вполне заслуживает подробного освещения, но он не имеет непосредственного отношения к нашей теме, и потому рассказ о нем мы откладываем до другого раза.

Возможно, что на этом именно станке и была отпечатана прокламация «Долго давили вас, братцы». Отпечатана она была в техническом отношении очень плохо. Некоторые буквы на отпечатках совсем не вышли или вышли крайне бледно, так что, по свидетельству Ив. Орлова, их приходилось поправлять от руки чернилами. Тем не менее прокламация была готова. Оставалось распространить ее. С этой целью студенческий кружок и организовал свои «апостольские» путешествия.

«Хождение в народ» казанских студентов.

К своей «апостольской» деятельности казанские студенты приступили не позже первой половины марта 1863 года [1].

Наибольшее значение имела поездка Ивана Орлова. Иван Яковлевич Орлов, о котором мы уже упоминали, как о проходившем срок испытания для поступления в тайное общество «Земля и Воля», был одним из наиболее энергичных членов студенческого кружка. Сын священника, родившийся в Сибири, он окончил духовную семинарию в Иркутске. Семинаристом он познакомился с находившимся в ссылке М. А. Бакуниным. Биографы Бакунина утверждают, что их герой во время пребы-

[1] К этому времени относятся первые из известных нам путешествий. Однако имеются основания предполагать, что студенты и ранее пробовали заниматься пропагандой в народе

вания своего в Сибири вел жизнь обывателя, забывшего свои прежние революционные стремления. Пример Ив. Орлова показывает, что такой взгляд на сибирский период жизни Бакунина едва ли вполне справедлив. Первые семена революционности в Орлова, как и в некоторых других сибиряков, например, Г. Н. Потанина, были заложены не кем другим, как Бакуниным.

По окончании семинарии в Иркутске Орлов поступил вольнослушателем в Казанский университет. Здесь он быстро приобрел популярность среди своих товарищей, которые доверили ему выполнение таких важных и требующих большой выдержки и конспирации обязанностей, какими были обязанности заведующего тайной студенческой библиотекой.

10 марта 1863 года Ив. Орлов выехал из Казани. Он намеревался частью объехать, а частью обойти пешком — Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии, а затем перебраться в Сибирь. Ради конспирации Орлов избрал себе псевдоним «Иван Яковлев».

Кроме подушки и нескольких рублей денег, Орлов захватил с собой для распространения изданные обществом «Земля и Воля» прокламации «Свобода» и «Льется польская кровь», а также прокламацию «Долго давили вас, братцы». Помимо прокламаций, Орлов запасся рекомендательными письмами, которые написал для него студент Иван Красноперов. Среди этих писем были письма к содержателю библиотеки в Вятке А. А. Красовскому,

с которым Ив. Красноперов сблизился, когда обучался в Вятской духовной семинарии, к двоюродному брату Ивана Красноперова Егору, вятскому семинаристу, и к священнику Чеснокову, служившему в селе Святогорье.

В письме к Красовскому Красноперов писал:

«В виду имеющих совершиться для общего блага событий, сей человек принял на себя роль апостола-проповедника. Роль его в высшей степени прекрасная и полезная. Прошу принять этого апостола и исполнить те поручения, которые на вас возложит... Время близко, старому свету приближается конец, и Россия воспрянет от сна. Верю, что вы примете в этом деле непосредственное участие. Да здравствует демократическая конституция!»

Аналогичным было содержание двух других писем Красноперова. В письме к брату Егору он добавил, что «молодежи вообще сидеть сложа руки в настоящее время неблагородно». В письме же к священнику Чеснокову говорилось о том, что он, как священник, «может принести много пользы крестьянам посредством своих проповедей» и что «он вообще должен быть готов к великому делу обновления России».

Из Казани Орлов выехал вместе с вольнослушателем университета Михаилом Шулятниковым, отправлявшимся к себе на родину в г. Глазов. Дорогой Орлов распространял прокламации.

13 марта Орлов и Шулятников приехали в Вятку. Орлов пошел в библиотеку Красовского, но по-

следнего не застал: он в это время был по делам в Петербурге. Узнав об этом, Орлов оставил письмо Ив. Красноперова помощнику Красовского, а сам направился в семинарию для свидания с Егором Красноперовым. Увидавшись с последним, Орлов, назвавшийся Иванов Яковлевым, передал ему письмо его брата и пригласил притти на квартиру, где Орлов остановился. При свидании с Егором Красноперовым Орлов много говорил ему о революционных обществах, об их задачах и планах, о необходимости сплочения молодежи и тому подобное. На прощанье Орлов оставил Е. Красноперову с десяток прокламаций «Долго давили вас, братцы», прося распространить их между семинаристами и знакомыми.

Расставшись с Е. Красноперовым, Орлов вместе с Шулятниковым выехал в Глазов, где прожил дня три-четыре, а затем отправился в с. Святогорье к свящ. Чеснокову, которому вручил письмо И. Красноперова и предложил взять прокламации для распространения. Чесноков отказался.

Из Святогорья Орлов отправился в г. Оханск, Пермской губ., где посетил высланного туда в 1862 году за распространение прокламаций «Пора» бывшего пермского семинариста Илью Пономарева. Орлов оставил Пономареву десять экземпляров прокламации «Долго давили вас, братцы», прося их распространить. После этого Орлов продолжал свое путешествие, но вскоре прервал его и вернулся в Казань.

Сделал это он, повидимому, по настоянию оставшихся в Казани товарищей. Как мы увидим, во время отсутствия из Казани Орлова туда приезжал Черняк и вступил в переговоры со студентами. При таких условиях важно было, чтобы Орлов вернулся возможно скорее в Казань. Это, надо думать, и побудило его прервать свое «апостольское» путешествие.

Между тем еще тогда, когда Орлов находился в пути, властям попались в руки распространенные им прокламации. Нолинский исправник донес вятскому губернатору, что 12 марта по Казанскому почтовому тракту проезжали два студента Казанского университета, которые при перемене лошадей в деревне Ключевой вручили ямщику запечатанное письмо, наказав передать его грамотному крестьянину, который прочитал бы его и передал его содержание другим крестьянам. По распечатании письма в нем оказалась прокламация «Долго давили вас, братцы».

Дальнейшими розысками было обнаружено, что один из проезжавших по Казанскому тракту студентов был сыном глазовского купца Мих. Шулятниковым. 17 марта Шулятников был арестован, при чем у него был найден переписанный им от руки экземпляр прокламации «Долго давили вас, братцы». На допросе Шулятников подробно рассказал о своей поездке с Орловым, но не раскрыл его настоящей фамилии, а именовал Иваном Яковлевым. Однако Шулятников упомянул, что в Вятке Ив. Яковлев был в семинарии и в библиотеке, где

оставил письмо на имя заведующего. Этого было достаточно для того, чтобы администрация могла, с одной стороны, дознаться, с кем виделся Ив. Яковлев в семинарии, и арестовать Егора Красноперова, а с другой — произвести обыск в библиотеке Красовского. Во время этого обыска в руки полиции попали оставленные Орловым в библиотеке письмо Ив. Красноперова и прокламации. 19 марта, по сообщению вятской администрации, был арестован в Казани Ив. Красноперов и тотчас отправлен в Вятку.

Красноперов, как и Шулятников, не выдал Ивана Орлова. На первом допросе на вопрос, с кем им были посланы в Вятку письма Красовскому и Е. Красноперову, он отвечать отказался, заявив: «Считаю бесчестным выдавать товарища; шпионство — дело слишком низкое и недостойное сколько-нибудь порядочного человека». После этого ответа к Ив. Красноперову почти каждую ночь стали являться полицеймейстер и жандармский капитан с одним и тем же вопросом: с кем он отправил письма в Вятку. Эти беспрестанные ночные приставанья настолько надоели Красноперову, что он наконец назвал первую пришедшую ему в голову фамилию «Соловьев» и описал его фиктивные приметы. Соловьева долго искали в Казани, но, конечно, не нашли. Интересны показания, данные Красноперовым относительно его письма к Красовскому. Он старался представить смысл этого письма как можно более безобидным. На вопрос о словах: «Да здравствует демократическая

конституция!» которыми заканчивалось письмо, Красноперов ответил: «В настоящее время каждый гражданин убежден, что после дарованной крестьянам свободы очень скоро может быть дана самим государем конституция, о которой нам, студентам Казанского университета, давно говорил Щапов».

Благодаря твердости, проявленной на допросах Ив. Красноперовым, личность студента, посетившего библиотеку Красовского и Е. Красноперова, осталась не установленной.

Фамилия Орлова стала известна властям от Пономарева. Он пытался распространить оставленные ему Орловым прокламации, но неудачно. Все они в конце-концов попали в руки оханского городничего. Сам Пономарев был арестован и на допросе заявил, что прокламации были оставлены ему казанским студентом Ив. Як. Орловым. Однако арестовать Орлова удалось нескоро, — лишь во время второго его «апостольского» путешествия, о котором нам придется говорить ниже.

Почти одновременно с Орловым отправился в «апостольское» путешествие другой член кружка— М. К. Элпидин. Сын дьякона села Никольского, Лаишевского уезда, Казанской губ., Элпидин отправился для пропаганды в свой родной уезд. Для распространения он взял с собой прокламации «Долго давили вас, братцы». В городе Лаишеве Элпидин передал эти прокламации местным мещанам, братьям Василию и Степану Булгаковым. Булгаковы раздавали прокламации крестьянам,

приехавшим в Лаишев на базар, говоря: «На, вот, свези в деревню, пусть писарь прочитает». Один из получивших прокламацию донес на Булгаковых. Они были арестованы, во всем сознались и указали на Элпидина, как на человека, передавшего им прокламации. Это повело к тому, что возвратившийся в Казань Элпидин 29 апреля был арестован. Одновременно с ним были арестованы жившие на одной квартире с ним его друзья братья Пеньковские, у которых при обыске было найдено много «нелегальщины» [1].

К тому же приблизительно времени относится и первое путешествие члена кружка Бирюкова. Он отправился по деревням Рязанской губернии, захватив с собою между прочим евангелие. Бирюков хотел «узнать, ждет ли народ чего-нибудь и как он примет толки о восстании». По пути Бирюков беседовал с крестьянами, раздавал народные книжки, читал и объяснял евангелие. По возвращении Бирюков рассказывал товарищам по кружку, что мужики «слушают, но сами почти ничего не говорят, так что не знаешь, что они думают; но слушать евангелие им понравилось».

Еще более неудачно было второе путешествие Бирюкова. На этот раз он избрал Спасский уезд, где находилось знаменитое село Бездна. Воротился из своего путешествия Бирюков очень расстроен-

---

[1] Подробнее о деле Элпидина и бр. Пеньковских см. в I-ой главе моей книги „Революционное подполье в эпоху террора". Изд. Об-ва Политкаторжан. М. 1929 г.

ным, ничего не рассказывал о том, что с ним было, называл себя дураком и давал зарок никогда больше не предпринимать аналогичных путешествий. Позднее, успокоившись, Бирюков объяснил, что его на дороге ограбили, в другом месте крестьяне хотели представить его становому, как беспаспортного, нигде не пускали ночевать, а в Бездне мужики так напуганы историей с Антоном Петровым, что никто не хотел говорить с ним.

Переговоры Иваницкого и Черняка со студентами.

В то время когда Орлов совершал свое «апостольское» путешествие, в Казани произошло сближение сперва Иваницкого, а затем и Черняка с кружком студентов.

Получив письмо Черняка, о котором мы упоминали выше, штабс-капитан Иваницкий, постоянное местожительство которого было в г. Спасске, где стояла находившаяся под его командованием рота Охотского пехотного полка, поехал в Казань. В Казани он и раньше бывал довольно часто и подолгу и имел много знакомых. Там жила его невеста. Во время приездов в Казань он останавливался на квартире своего начальника, командовавшего дивизией генерала Скалона, жена которого,

полька по происхождению, была очень привязана к Иваницкому [1].

По приезде в Казань Иваницкий познакомился с студентом Карповым и просил его познакомить с другими студентами. Карпов согласился, и в один из ближайших дней у него на квартире собрались Иваницкий и студенты Лаврский, Бирюков и Ив. Красноперов. Иваницкий рассказывал студентам о существующей в России сильной революционной партии, имеющей своих агентов почти во всех губерниях, и о восстании, которое должно начаться весной.

Ив. Красноперов так рассказывал впоследствии на допросе об этом свидании с Иваницким:

«Иваницкий говорил много и бойко. Сначала он говорил о своем участии в Крымской кампании, потом распространился о том, что его любят все солдаты, говорил о стрельбе из ружей, о том, что в Ижевском заводе он надеется получить 20 тысяч ружей... Из его слов можно было заключить, что он готовится к какому-то восстанию и потому желал привлечь на свою сторону молодых людей из студентов. И все это говорил хладнокровно, равнодушно, как будто

---

[1] Позднее следственная комиссия по казанскому делу получила от одного из арестованных, офицера Мрочека, сообщение, что генерал Скалон знал о „преступных замыслах" Иваницкого. Сам Иваницкий это отрицал. Комиссия сочла недостаточным одного показания Мрочека для привлечения Скалона к делу в качестве обвиняемого; однако Скалону пришлось уйти в отставку.

собирался охотиться на зверей... Рассказывал также Иваницкий о своих беседах с солдатами и крестьянами. «Возьму, — говорит, — несколько одинаковых горошин, поставлю их в ряд, стоящую на первом месте назову царем, на втором — министром, генералом и так далее. Потом каждого солдата спрашиваю: «Где царь?» — «Вот, первый, ваше благородие», — отвечает солдат. «Где министр?» — «А вот другой, после царя». Наконец я возьму все эти горошины и перемешаю, а потом велю каждому солдату отгадывать, где царь, министр и прочие. «Не можем знать» — отвечали солдаты. Отсюда он им делал такое заключение: покуда все цари и министры поставлены по порядку, все им кланяются, почитают выше себя, а как перемешать их всех, тогда разницы между ними и простыми людьми не будет, и все будут равны...»

Через несколько дней у Карпова состоялось второе собрание. На нем присутствовали те же лица и приведенный Иваницким подпоручик Р. И. Станкевич.

«Во второе посещение, — рассказывал на допросе Карпов, — Иваницкий принес две карты двух уездов Казанской губернии (каких — не помню). В этот раз также говорил один Иваницкий и, разложив карты, так начал свой разговор:

«В одной ближайшей к месту его квартирования деревне можно будет начать восстание, если в этой деревне к ним присоединится человек сто крестьян. Потом, узнавши об этом, к ним присоединятся другие деревни. На крестьян нужно полагать

главную надежду: они теперь в переходном состоянии; на солдат же мало надежды, хотя и большого сопротивления нельзя ожидать, так как они его любят. Оружием могут быть на первое время косы да ружья, которые можно отнять у солдат».

Как реагировали студенты на речи Иваницкого, никто из допрошенных не объяснил. Только Красноперов сказал, что от первого разговора с Иваницким он вынес тяжелое впечатление, и «когда пришел домой и лег спать в постель, то всю ночь не мог заснуть и весь дрожал». Надо полагать, что Иваницкий был доволен своими беседами со студентами и считал почву достаточно подготовленной для дальнейших шагов. После второго посещения квартиры Карпова он вернулся к себе в Спасск и стал ждать приезда Черняка.

Черняк приехал в Казань около половины марта и вызвал Иваницкого из Спасска. Иваницкий сообщил ему, что между казанскими студентами имеется много людей с революционным направлением, и взялся устроить Черняку свидание с этими людьми.

Разыскав Сергеева, Иваницкий сообщил ему, что в Казань приехал агент московского революционного комитета, который желает поговорить с казанской революционной молодежью. Сергеев передал об этом своим товарищам.

15 марта состоялось свидание Черняка с казанскими студентами. Происходило оно на квартире известного уже нам врача Ф. И. Бургера. На квартире у Бургера, кроме его самого, собрались Ива-

ницкий и Черняк, с одной стороны, и студенты Полиновский, Сергеев, Жеманов, Щербаков и Лаврский — с другой. Черняк рекомендовался агентом русского революционного комитета «Земля и Воля» и предъявил клочок почтовой бумаги, на котором было написано «Предъявителю сего верить. Бакунин». Затем Черняк рассказал, что он принадлежит к «партии действия», выделившейся из комитета вследствие бездействия его. Эта партия разослала по различным городам своих агентов, чтобы подготовить почву для восстания. Одним из таких агентов является сам он, Черняк. Ему поручено посетить Казань и Симбирск. К 25 марта все агенты должны возвратиться в Москву. К этому времени там будет собрание всех членов комитета, которые рассмотрят донесения агентов и решат, где и когда начать восстание. «Восстание нужно начинать как можно скорее, — говорил Черняк. — Вряд ли мы дождемся когда-нибудь в другой раз такого благоприятного стечения обстоятельств для начала восстания, как теперь. Восстание, происходящее в Польше, стягивание туда русских войск, повсеместное недовольство крестьян реформою — все это облегчает организацию восстания». По мнению Черняка, восстание должно начаться с Казанской губернии, как самой удобной в стратегическом отношении. Отсюда оно пойдет вниз по Волге, перейдет на Урал и Дон, а с Дона его направят так, чтобы оно соединилось с восстанием в Польше. Начинать восстание нужно до начала полевых работ.

После Черняка стал говорить Иваницкий. Он развил подробно план восстания в Казани.

«Забрать Казань, — говорил он, — очень легко. Для этого стоит только обезоружить солдат, находящихся в городе, а это ничего не стоит. В самом деле: у каждой казармы стоит по два человека, — один внутри, другой снаружи. Стоит только убить этих часовых, и спящие солдаты не услышат, как из казарм унесут ружья. Затем можно выпустить из тюрем арестантов».

Полиновский возразил, что это поведет только к грабежу и убийствам.

Иваницкий не согласился и указал, что, когда во время осады Севастополя прибегли к этой мере, никаких грабежей не было; напротив, арестанты геройски действовали на укреплениях Севастополя.

«Захватив из казарм ружья, — продолжал Иваницкий, — нужно в ту же ночь забрать казначейство и арестовать губернатора. Тогда Казань в наших руках. Взятие ее произведет сильное нравственное влияние на народ, который скажет тогда, что если уж Казань взята, то значит — сила. Забрав Казань, нужно немедленно разослать людей по деревням, чтобы там вооружались, — кто косой, кто чем попало, — и чтоб шли в Казань».

«Если нас потом вытеснят из Казани, — добавил в заключение Иваницкий, — то мы без всякого препятствия отступим к уральским заводам, а там такая местность, что и сам чорт не сыщет».

Один из присутствующих спросил Черняка, что он может сказать о настроении народа и какими средствами их партия думает действовать на народ. Черняк заявил, что на первый вопрос он не может дать определенного ответа, пока донесения разосланных по России агентов не выяснят положения; однако, он знает, что на Дону и в Киевской губернии готовится восстание. На второй вопрос Черняк ответил, что их партия решила действовать на народ от имени царя и для этой цели заготовила манифесты, в которых крестьянам обещаны земля и разные права.

Это заявление Черняка произвело крайне неблагоприятное впечатление на студентов. Они стали возражать, что план Черняка основан на обмане, что действовать так неблагородно и неумно. Начался спор. «Ну, так ждите 30 лет, — говорил Черняк. — Я знаю, господа, эту партию, она хочет сперва выучить народ грамоте, потом развить его и итти шаг за шагом». Черняк указывал, что глупо не воспользоваться уводом войск в Польшу и ожиданием новой воли среди крестьян. Студенты спросили Черняка, из кого состоит пославшая его партия. Черняк пояснил, что она на две трети состоит из военных, и спросил мнение студентов относительно его предложения. Тогда Полиновский заявил, что окончательного ответа они дать не могут, так как им сперва надо подумать, но что во всяком случае нужно быть сумасшедшим, чтобы согласиться на тот план, который предлагает Черняк. Полиновский имел при этом в виду пользо-

вание подложными манифестами. «Когда Гарибальди делал высадку в Сицилии, — заявил Черняк, — его тоже называли сумасшедшим». «Я даю вам слово, — сказал он на прощанье, — что во всяком случае в апреле мы начнем одни; подумайте». С этими словами он ушел вместе с Иваницким.

На другой день Полиновский и Жеманов явились к Черняку и заявили, что на организацию восстания в Казани и ее окрестностях они согласны, но в качестве средства для возбуждения народа будут употреблять не подложные манифесты, а свои прокламации. При этом они прочитали Черняку прокламацию «Долго давили вас, братцы». Для распространения прокламаций и участия в подготовке восстания они требовали присылки из Москвы денег и людей в количестве не менее тридцати. Если это будет исполнено, то они готовы принять участие в восстании [1].

По совету Иваницкого Черняк согласился на требования студентов и обещал вторично приехать в

---

[1] Так передавал ответ студентов сам Черняк на допросе в следственной комиссии. Студенты же отрицали его показание и утверждали, что они еще на собрании заявили о своем несочувствии планам Черняка; если же они на другой день посылали к Черняку своих уполномоченных, то только для того, чтобы проверить, не поляк ли Черняк и не является ли он агентом не русской революционной организации, а польского народного правительства; никакого согласия на участие в восстании их уполномоченные не давали, прокламации своей Черняку не читали и присылки денег и людей не требовали. Мы полагаем, что показание Черняка более соответствует действительности, чем показания студентов. Это будет ясно из дальнейшего поведения студентов в „казанском заговоре".

Казань. По уходе Полиновского и Жеманова Иваницкий сказал Черняку, что в крайнем случае достаточно будет прислать сколько можно денег, хотя бы десять револьверов и несколько сот экземпляров манифеста. Тогда он брался уговорить студентов принять участие в восстании, тем более, что у него имеется несколько офицеров, любимых солдатами и готовых на все. «Можно будет устроить, — говорил Иваницкий, — что в день, назначенный для восстания, в караулах будут эти офицеры, и тогда легко будет овладеть тюремным замком, освободить арестованных, вооружить их ружьями, отнятыми у караула, и затем напасть на войска в казармах. Став во главе восстания, можно будет пропагандировать как угодно».

После свидания с Полиновским и Жемановым Черняк уехал в Москву, где доложил Кеневичу о результатах своей поездки. Кеневич вполне одобрил план Иваницкого.

Донос Глассона. Тревога в Казани.

После отъезда Черняка Иваницкий некоторое время оставался в Казани и продолжал подготовку восстания. В эти дни он имел несколько бесед со студентами, во время которых детально развивал свой план. Говорил он между прочим о необходимости составить «воинский устав» для будущей повстанческой армии и заготовить знамя с изображением старообрядческого креста и с надписью: «За землю и волю». В то же время он привлек к

делу двух офицеров, поручика Мрочека и подпоручика Станкевича, которые, как мы упоминали выше, оба были членами тайного общества «Земля и Воля». Станкевич согласился предоставить свою квартиру Черняку и тем лицам, которых он приведет с собою для участия в восстании и которым было бы опасно останавливаться в гостиницах. После этого Иваницкий уехал в Спасск.

Между тем 25 марта в квартире Станкевича, по приказанию казанского губернатора, был произведен обыск. Поводом к нему послужило сообщение минского губернатора о перехваченном полицией письме Станкевича к его матери, в котором «были высказаны в высшей степени дерзкие мысли, противные долгу русского офицера». К счастью для Станкевича, при обыске ничего подозрительного найдено не было, и Станкевич остался на свободе. Этот случайный эпизод, не отразившийся на общем ходе дела по подготовке восстания, внес, однако, в него некоторые осложнения.

Узнав об обыске у Станкевича, Иваницкий вернулся в Казань и, полагая, что полиция продолжает следить за квартирой Станкевича, счел нужным предупредить о происшедшем Черняка, приезда которого он ждал со дня на день. С этой целью он отправил Черняку письмо с извещением, что полиция напала на след, что в квартире Станкевича был произведен обыск и что ехать теперь в Казань опасно. Между тем 10 апреля Станкевич получил из Москвы от Черняка, подписавшегося Максимовым, телеграмму, в которой было сказано:

«Я буду в Нижнем 14 апреля. Приезжай повидаться со мной. Максимов».

Станкевич поехать в Нижний не мог, и было решено послать туда студента Щербакова, который должен был встретить Черняка и рассказать ему о том, что происходило в Казани.

Кроме того, на тот случай, если Щербаков не встретит Черняка, два студента, под предлогом охоты, были отправлены за 120 верст от Казани по той дороге, по которой должен был проехать Черняк, а два других студента взяли на себя дежурство в городе, то-есть стали посменно ходить вдоль той улицы, на которой была квартира Станкевича.

Продолжая после отъезда Черняка работать над подготовкой восстания, Иваницкий, между прочим, познакомился со студентом Казанского университета Иваном Глассоном и сделал попытку привлечь его к участию в заговоре. Однажды, в конце марта, сидя с ним и Сем. Жемановым в отдельной комнате ресторана, Иваницкий начал говорить о предстоящем восстании в Казани. Он рассказывал, что народ уже достаточно подготовлен, что крестьяне некоторых деревень, напр., Бездны, Тенькова и Змиева [1], недовольные наделом, дали согласие восстать по первому сигналу, что малочисленность войск в Казани благоприятствует заговорщикам, что в восстании примут участие молодежь и военные, что Центральный Революционный Комитет

[1] Во всех этих деревнях в 1861—1862 годах происходили крестьянские волнения.

присылал своего агента, что заговорщиками собрано 12.000 рублей для раздачи восставшим на пропитание, что одно лицо обещало в случае успеха пожертвовать 2 миллиона рублей, что арестованный уже Ив. Красноперов оказал большую услугу заговорщикам и так далее. Как обычно, правда в рассказе Иваницкого причудливо перемешалась с вымыслом. В заключение Иваницкий предложил Глассону принять участие в восстании.

Глассон, сообразивший, что на этом деле можно заработать, охотно согласился на предложение Иваницкого и просил принять его в тайное общество. Иваницкий и Жеманов поручили Глассону установить связь с Симбирском. Для этой цели Жеманов вручил ему рекомендательное письмо на имя какого-то Васильева (Глассон в своих показаниях утверждал, что это — вымышленная фамилия).

Получив это письмо, Глассон отправился, но не в Симбирск, а в Петербург. Предварительно он послал два анонимных письма с извещением о готовящемся восстании; одно — казанскому губернатору, другое — архиерею.

2 апреля Глассон был уже в III отделении, где подробно рассказал о свидании своем с Иваницким. Показание Глассона было немедленно доложено царю, который распорядился послать в Казань для проверки доноса Глассона флигель-адъютанта полковника Нарышкина.

3 апреля управляющий III отделением Потапов телеграфировал в Казань жандармскому полков-

нику Ларионову: «Предварите немедленно начальника дивизии и губернатора, чтобы приняты были негласно меры осторожности насчет казарм, хранения оружия и казначейств».

В то же время губернатор получил телеграмму от министра внутренних дел Валуева: «Наблюдайте за ротным командиром Иваницким; рота в Бездне; он, вероятно, в Казани; также за студентом Сем. Жемановым и доктором Бургером, а также за тем лицом, для которого Иваницкий нанял квартиру на Первой Горе [1]; буде нужно, арестуйте. Имейте в виду село Змиево, в Чистопольском уезде, Бездну и Теныки... Наблюдайте 10 числа и 11 дайте сюда знать».

Легко представить себе, какую тревогу вызвали среди казанской администрации эти телеграммы.

11 апреля Нарышкин, захвативши с собой Гласона, приехал в Казань. Его не могли не поразить те меры предосторожности, которые приняли местные власти, не имевшие точного представления о размерах грозящей городу опасности. Вся губерния была поставлена чуть ли не на военное положение. Войска получили предписание во всякое время дня и ночи быть готовыми к тревоге. Солдатам было роздано по десять боевых патронов. Они были обязаны даже к обеду и ужину выходить в полной амуниции. По городу днем и ночью разъезжали отряды казаков и ходили патрули.

---

[1] Для Черняка. *Б. К.*

Нередко по ночам патрули задерживали прохожих и отправляли их в полицию для выяснения личности. Особенно поразили Нарышкина те меры, которые казанские власти приняли для охранения собственной безопасности. Губернатор постоянно имел у себя на квартире 12 казаков. Начальник дивизии генерал Скалон поставил у себя целый караул из 8 рядовых в полной боевой амуниции, при барабанщике и горнисте.

Конечно, эти меры предосторожности не могли не бросаться в глаза населению и не вызвать среди него тревоги. Один современник так описывает Казань того времени:

«Слухи, один другого нелепее, распространялись с невероятной быстротой и принимались всеми за чистую монету. Шли, между прочим, толки о готовящемся грандиозном движении русских крестьян и татар, которое угрожало повторением пугачевских смут... В самой Казани начались частые пожары, и стали появляться подметные письма с угрозами истребить огнем целый город. Никто этих писем самолично не видел, но никто не сомневался, что угрозы эти будут приведены в исполнение; нервы были до того возбуждены, что чем чудовищнее казался пущенный слух, тем охотнее принимался на веру» [1].

Паника, охватившая население Казани, была так велика, что, по свидетельству Нарышкина, многие обыватели собирали и укладывали свои пожитки

---

[1] П. И. Ж у д р а. „Казанские пожары 1863 года". „Исторический Вестник", 1891 г., № 3, стр. 414—415.

и выезжали из Казани, которая представлялась им осужденной на гибель. Другие не спали в течение целых ночей.

Приезд Сильванда. Новый план восстания.

Черняк в Казань не приехал. Вместо него, явилось новое лицо, назвавшееся Остсенковским. На самом деле это был студент Петербургского университета О. Я. Сильванд.

Сильванд явился в Казань вечером 14 апреля и остановился на квартире Станкевича. Он привез с собой письма от Черняка, значительное количество прокламаций и манифестов, 400 рублей денег и 14 револьверов разных систем и калибров. Вот все, что Кеневич и Черняк оказались в состоянии прислать для организации восстания в Казани.

Писем Черняка Сильванд привез два. Одно из них было адресовано «к гражданам Казани». В нем говорилось, что Народный Комитет «Земля и Воля» назначил Черняка гражданским начальником Казанской губернии и военным старшиной города Казани и предписал ему завладеть городом. Далее Черняк писал, что он назначает своим помощником Иваницкого и поручает ему разделить всех участников восстания на группы в 5 или 10 человек. Затем в письме Черняка говорилось о посылке в Казань прокламаций, денег и оружия и предлагалось за три дня до восстания разослать по деревням пропагандистов с прокламациями и

манифестами для возбуждения народа. Участникам восстания рекомендовалось обезоружить солдат, захватить казармы, а затем ударить в набат и, когда соберется народ, выбрать несколько человек для заведывания гражданской частью. В заключение предписывалось под страхом смерти за ослушание оказывать «старшине» и его помощнику повиновение и содействие.

Другое письмо Черняка было на имя Иваницкого. В нем Черняк поручал Иваницкому на посланные деньги купить оружие и обещал к назначенному для восстания времени привезти с собой еще 20 револьверов. Кроме того, Черняк сообщал, что за три дня до восстания в Казань будут прибывать партиями по три человека революционеры.

Эти письма Черняка были прочитаны Мрочеком Полиновскому и Сергееву с тем, чтобы они передали их содержание своим товарищам. По прочтении письма были уничтожены.

Среди прокламаций, привезенных Сильвандом, кроме манифеста, были прокламации «Временное народное правление» и «Свобода вероисповедания», о которых мы уже говорили.

По приезде Сильванда на квартире Станкевича было устроено собрание. На нем присутствовали Станкевич, Мрочек, Полиновский, Сергеев, Жеманов, Щербаков, Бирюков, Миттерман и несколько поляков, студентов Петербургского и Казанского университетов. Сильванд изложил план восстания, значительно расходившийся с тем планом, кото-

рый ранее развивали Черняк и Иваницкий. Сильванд понимал, что предосторожности, принятые властями в Казани делали невозможной организацию восстания в этом городе. По новому плану, выработанному Сильвандом, участники восстания должны были отправиться по деревням, уговаривать мужиков вооружаться топорами, косами и тому подобным, затем вести их на Ижевский завод, а оттуда, захватив оружие, на Казань.

Из квартиры Станкевича все присутствующие, кроме Станкевича и студентов-поляков, захватив с собой револьверы и прокламации, отправились на квартиру Полиновского. Туда же явились Бургер, Лаврский, Иван Орлов, которого, как мы знаем, уже разыскивала полиция, Павел Орлов и Алеев.

Повторив приблизительно то же, что он говорил на квартире Станкевича, и попросив студентов дать ему окончательный ответ через Мрочека, Сильванд удалился, а Мрочек начал подробно излагать новый план восстания.

«Начинать дело в Казани, — говорил он, — где 1.500 человек войска да, кроме того, приняты меры предосторожности, — глупо. На первый раз надо обезоружить роту солдат в Спасске, захватить там казначейство, раздать ружья крестьянам и потом направиться к Ижевскому заводу, где для казны заготовлено до 30 тысяч ружей. В попутных городах следует забирать деньги из казначейств. А от Ижевского завода должно уже двигаться на Казань».

Кто-то из студентов спросил, каким образом можно забрать ружья в Спасске. Мрочек ответил, что сделать это очень нетрудно, и они (то-есть офицеры) берут это на себя.

Затем Мрочек стал говорить, что ко дню, назначенному для восстания, из Москвы приедут около ста революционеров. Чтобы не возбудить подозрений, они поедут группами по пять или по десять человек на разных пароходах. Одни группы высадятся в Казани, а другие — на иных остановках, поблизости от Казани. Все они соберутся к Спасску.

«Чем же кормить те тысячи крестьян, которые примкнут к восстанию?» — спросили студенты.

«О хлебе нечего беспокоиться, — ответил Мрочек, — потому что у помещиков его всегда много; да, кроме того, помещики теперь в ужасном страхе. У каждого непременно есть ружья, револьверы и порох; все это нужно отобрать у них. У них всегда много серебряной посуды; если забрать у них да начеканить монеты, то ни в чем нужды не будет».

Как же отнеслись студенты к плану, развитому перед ними Мрочеком? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют дать вполне определенный ответ на этот вопрос. Показания привлеченных к следствию лиц коренным образом расходятся между собой. Большинство студентов утверждало, что они категорически отвергли предложение Сильванда и Мрочека. Наоборот, Мрочек утверждал, что студенты согласились

принять участие в восстании, но с некоторыми оговорками. Они пытались ссылаться на то, что в последней из изданных «Землею и Волею» прокламаций о восстании ничего не говорится; поэтому они могут присоединиться к восстанию лишь по получении соответствующего распоряжения от комитета «Земли и Воли».

Повидимому, показание Мрочека ближе к действительности, чем показания студентов.

Это видно из того, что студенты распределили между собой револьверы, привезенные Сильвандом, взяли от него прокламации и, как мы сейчас убедимся, пользовались ими в целях пропаганды среди крестьян. Приняли они и деньги. Половину их отослали Иваницкому, а остальные 200 руб. передали на хранение Миттерману с тем, чтобы он выдавал их на нужды пропаганды и восстания. Все эти действия студентов были бы совершенно непонятны, если бы они категорически отказались принять участие в восстании.

Однако несомненно, что в их отношении к предположенному восстанию были значительные колебания. Им, с одной стороны, хотелось принять участие в нем, с другой — многое в планах Черняка и его товарищей смущало их и заставляло колебаться.

Впечатление большой искренности производят в основной своей части показания, данные одним из студентов, В. Лаврским, о тех сомнениях, которые обуревали его и не дали ему возможности

притти к определенному мнению относительно развитого перед ним и его товарищами плана.

«Все эти события и слухи, — говорил Лавр-ский, — произвели на меня большое влияние, подняли в моей душе тучу вопросов и сомнений и продолжительную внутреннюю борьбу. С одной стороны, мне рисовалась картина этого восстания в виде страшной пугачевщины, меня охватывал ужас при мысли о семье и родных, и я с отвращением отворачивался от этой картины. С другой стороны, и на мне сказывалось влияние среды, и я успокаивал себя тем, что, может быть, все дело ограничится молчаливым протестом, прошением русского земства к государю о даровании земли, что изобретут, может быть, новую систему выкупа, которая успокоит народ и поможет избегнуть кровопролития. Но для этого нужно, думал я, чтобы во главе восстания стали люди образованные, способные обуздать дикие порывы. И бывали минуты, что, послушав возгласы о «великом деле», как называли тогда восстание, я решался на этих условиях, в случае крайности, присоединиться к нему. Но потом снова поднимались во мне сомнения, я возмущался при мысли о крови и, не приходя ни к какому результату, закрывал глаза при мысли, что под страхом смерти от меня могут потребовать участия».

Приблизительно то же самое, по словам Лавр-ского, испытывали и другие члены кружка. «Во все время моих сношений с кружком ни от одного члена я никогда не слыхал прямого ответа:

«я пойду, если будет восстание». Этого вопроса все заботливо избегали. Вообще вся эта история кажется мне с начала до конца какой-то удивительно глупой и ребяческой игрой в тайные общества. Никому не приходил в голову вопрос: куда мы идем. И точно с завязанными глазами, по какому-то табунному чувству, все шли к открытой пропасти».

Весьма вероятно, что товарищи Лаврского переживали аналогичные сомнения и колебания. Это и помешало им дать полное свое согласие на план восстания и, с другой стороны, не позволило им категорически отказаться от участия в замыслах Черняка.

Что такого категорического отказа ими заявлено не было, мы увидим из их действий после свидания с Сильвандом и Мрочеком.

Между тем возвратившийся в Москву Сильванд рассказал Кеневичу о том, что он видел и слышал в Казани, в частности о том, что казанские власти уже знают о готовящемся восстании, что ими приняты различные меры предосторожности, что Казань поставлена на военное положение, что со всех сторон туда стягиваются войска и так далее. Выслушав рассказ Сильванда, Кеневич решил, что думать при таких условиях о возможности поднять восстание в самой Казани или в Казанской губернии было бы безумием. В виду этого Кеневич решил отказаться от своего плана и прекратить всякую подготовку восстания.

В распоряжении Кеневича были четыре поляка, студенты Петербургского университета Маевский, Госцевич, Новицкий и Олехнович, которые согласились отправиться в Казань для участия в восстании. Убедившись в невозможности организовать восстание, Кеневич решил использовать этих студентов для распространения подложного манифеста. С этой целью им было поручено Кеневичем объехать Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и другие смежные губернии.

22 апреля 1863 года они выехали из Москвы, имея при себе около 700 экземпляров манифеста. Сперва они направились в Нижний-Новгород, а оттуда в Арзамас, где разделились. Маевский и Олехнович должны были объехать Тамбовскую, Рязанскую и Тульскую губернии, Госцевич — Симбирскую, Новицкий — Саратовскую. По инструкции Кеневича, они должны были подкидывать манифесты по деревням и дорогам (но не в городах и их окрестностях). Путешествие их продолжалось недолго. Появление подозрительного манифеста не осталось тайной для местных властей, которые поспешили открыть погоню за распространителями их. Вскоре все они были захвачены. 26 апреля Маевский и Олехнович были арестованы в г. Спасске, Тамбовской губернии; 29-го Госцевич попался в руки властей в Симбирске, а 30-го Новицкого арестовали в Самаре. В тех местах, через которые проезжали арестованные, властями было найдено свыше 150 экземпляров подложного манифеста.

Какое впечатление этот манифест произвел на крестьянское население?

Полковник Слуцкий, бывший депутатом от военного ведомства в следственной комиссии, расследовавшей казанское дело, в особой записке, представленной им начальству и излагавшей результаты деятельности комиссии, утверждал, что «распространение манифеста не произвело в народе вредного влияния и, напротив, вызвало в нем сильное негодование на злоумышленников».

Повидимому, это категорическое заявление не вполне соответствует действительности. Имеются указания на то, что в некоторых местах Тамбовской и Саратовской губерний крестьяне на первых порах отнеслись к манифесту с «живым участием», полагая, что «это — милость царская», а в Пензенской губернии из-за манифеста произошли крестьянские волнения, потребовавшие вмешательства военной команды. К сожалению, никаких подробностей относительно этих волнений мы до сих пор не знаем.

Казанские студенты, ведшие переговоры с Сильвандом и Мрочеком, не были извещены о том, что восстания решено не организовывать, и продолжали готовиться к нему. С этой целью они вновь организовали «хождение в народ». Наиболее деятельным из них был Ив. Орлов. Он и сам отправился в «апостольское путешествие» и снаряжал других.

В Вятскую губернию были направлены Николай Орлов и Дернов. Иван Орлов снабдил их прокла-

мациями и манифестами и дал на дорогу 30 рублей. Часть прокламаций они должны были передать Егору Красноперову, об аресте которого Ив. Орлов еще не знал. Николай Орлов и Дернов должны были распространять прокламации, призывать крестьян к восстанию и выяснять, на какое количество крестьян можно рассчитывать, если восстание начнется.

22 апреля Н. Орлов и Дернов выехали из Казани, а через пять дней они были уже арестованы на Буйском заводе, где они пытались пропагандировать среди крестьян. При обыске у Н. Орлова было найдено 52 прокламации и один экземпляр манифеста.

Вскоре после Н. Орлова и Дернова выехал из Казани Бирюков. Ему было поручено объехать Пермскую губернию. Его поездка также закончилась его арестом, вызванным довольно оригинальными обстоятельствами.

В мае 1863 года в Пермь приехал дьякон села Каргопольского, Шадринского уезда, М. А. Капустин для получения паспорта для отправления на поклонение «святым местам». В Перми в гостинице Капустин в пьяном виде начал «бранно выражаться» против царя и членов императорской фамилии. При этом он заявил, что «путешествие его к святым местам есть только фирма, и что он будет стараться поднять народ против государя». Епархиальное начальство распорядилось выслать Капустина в Далматовский монастырь под строгий надзор. Из Перми Капустин выехал вместе с

Бирюковым, который в это время оказался в Перми и каким-то образом познакомился с Капустиным. По дороге Бирюков и Капустин остановились в селе Килосове у дьякона, и там первый из них читал вслух прокламации. 27 мая они приехали в Кунгур. Посетив там священника Кроткова, они, в присутствии этого и другого священника, дьякона и чиновника, открыто ругали правительство и произносили «богохульства», раскрыв предварительно окна, чтобы их слова были слышны всем прохожим. Затем Бирюков прочитал присутствующим бывшую при нем прокламацию «Свобода». Об этом после их отъезда стало известно властям, и через день Бирюков и Капустин были арестованы в дороге. У Капустина нашли две написанные им «небольшие заметки в возмутительном духе». В одной из них говорилось, что прежде всего надо «уничтожить корень — так называемую династию Романовых, которая уже вполне надоела своим неограниченным правлением». Вторая же записка была озаглавлена: «Воззвание к крестьянам, преподаваемое дьяконом Капустиным». В ней говорилось:

«Россияне! Что с вами делается и вашими любезными кровными? Вас бьют, рубят, секут — и из-за чего? Из-за того, что вы расположились быть верными подлецу, так вообще называемому дураку, по фамилии Романову...»

У Бирюкова при обыске прокламаций не нашли. Он объяснил, что их у него было две, и обе он уже уничтожил.

Не менее печально закончилось путешествие Ив Орлова, который решил отправиться для пропаганды в Сибирь. Как мы знаем, его полиция разыскивала в связи с его первой поездкой, и потому, как только он приехал в г. Нолинск, Вятской губернии (2 мая), его арестовали вместе с бывшими при нем прокламациями и подложными манифестами.

При допросе Орлов заявил, что в первую свою поездку прокламации он получил от какого-то мифического Слядковского, адреса и профессии которого он не знает, а во вторую от Миттермана. Об этом сообщили немедленно в Казань, и Миттерман был арестован; искали и Слядковского, но, конечно, безуспешно.

Провокация Глассона. Следствие по казанскому делу.

29 апреля в Казани был арестован Семен Жеманов, а в Спасске — Иваницкий.

Почему же Нарышкин, приехавший в Казань еще 11 апреля, не сделал этого раньше? Ему помешала та широкая огласка, которую получило расследуемое им дело, вследствие мер предосторожности, принятых местными властями.

Нарышкин хорошо понимал, что одного показания Глассона, хотя бы и подкрепленного письмом Жеманова на имя Васильева, — мало для полного раскрытия дела. Письмо Жеманова заключало в себе только просьбу оказать содей-

ствие лицам, которые приедут в Симбирск «с известной целью». При таких условиях донос Глассона мог быть отвергнут Иваницким и Жемановым, как голословный. Поэтому Нарышкин решил не арестовывать их, пока в его руках не будет каких-либо несомненных доказательств виновности Иваницкого и Жеманова и справедливости сообщения Глассона. Чтобы добыть их, Нарышкин и захватил с собою из Петербурга Глассона. Последний был нужен Нарышкину не только как доносчик, но и как агент-провокатор. Глассон согласился сыграть эту роль, но по приезде в Казань, узнав, что слухи о раскрытии заговора широко распространились, испугался. Нарышкину пришлось потратить много времени на уговоры Глассона.

В письме к управляющему III отделением Потапову Нарышкин жаловался: «Глассон мой совершенно растерялся, отказывался наотрез от содействия; спустя, однако, долгое время я едва мог его убедить решиться на последнюю попытку».

21 апреля Нарышкину удалось отправить Глассона под видом охоты в г. Спасск, где жил Иваницкий. Глассон зашел к последнему, и, убедившись из разговора с ним, что его намерение организовать восстание попрежнему твердо, взял от него записку к Жеманову, написанную каким-то составом, который должен был выступить только после проявления. С этой запиской Глассон вернулся к Нарышкину. Осмотрев записку (но не подвергая ее проявлению), Нарышкин вернул ее

Глассону. Теперь в его руках было доказательство, которое поможет ему уличить Иваницкого.

После этого одновременно (29 апреля) были произведены обыски у Иваницкого, Жеманова и Глассона. У Жеманова не нашли ничего. У Глассона нашли записку Иваницкого и прокламацию «Земли и воли», данную ему самим Нарышкиным «для отвлечения подозрения со стороны полиции» [1]. Обыск у Иваницкого дал обильные результаты. У него нашли подложный манифест, прокламации «Временное Народное Правление», «Свобода вероисповедания» и «Свобода» № 1, а также пузырек с какой-то жидкостью.

Когда этой жидкостью смочили записку Иваницкого, найденную у Глассона, то на ней выступили следующие слова:

«Семен Яковлевич. От Богдана Хмельницкого [2] я много печатного получил; это очень неосторожно; письмо его меня крайне огорчило; меня не поняли, оклеветали; один только справедливый упрек, что я горяч и болтлив; сознаюсь, но я не хитрил, вас не обманывал; я предан всем этому делу, всем жертвую и назад ничуть не оглядываюсь; эгоизм мой, клянусь, спит; мне все равно, какую роль тут играть, но не распространяюсь, — это лучше, при удобном случае оправдаюсь. Мне кажется, что вы — трусы, нам не ве-

---

[1] Из этого видно, что казанская полиция не была посвящена в провокационную роль Глассона. Так осторожен был в своих конспирациях Нарышкин.

[2] То-есть от Черняка. *Б. К.*

рите, мало у вас энергии, страсть к простому словопрению; дай бог ошибиться в этом заключении. Я узнал, что в Саратовской и Самарской губернии кто-то дело ведет быстро и хорошо. Сейчас отправьтесь на почту и тихонько поскорей возьмите письмо под адресом Никифор Иванович Носов; оно вам даст данные для комбинаций. Пришлите кого-нибудь ко мне с описанием цели и времени. Ваше недоверие и упреки меня не смутят, и мои услуги всегда будут безусловны и безынтересны».

Иваницкий и Жеманов были отправлены в Петербург в III отделение. Туда же был доставлен арестованный в Москве на квартире Черняка Мрочек. Сам Черняк успел скрыться.

Между тем Нарышкин из допроса арестованных Госцевича и Новицкого узнал, что душою казанского заговора был Кеневич. 22 мая он телеграфировал в III отделение Потапову: «Отложите гуманность и твердо допрашивайте Иваницкого, Жеманова и Мрочека. Госцевич и Новицкий после нестерпимого упорства сознались мне в намерении участия казанского восстания и вследствие неудачи получили приказание 400 манифестов разбросать».

Первоначально Иваницкий и Жеманов избрали на допросах тактику полного отрицания; они утверждали, что ни о каком заговоре не имеют понятия и лиц, организующих восстание, не знают. Их разговор в ресторане в присутствии Глассона

сводился только к передаче шуток, ходивших по городу.

22 мая по высочайшему повелению была составлена особая следственная комиссия под председательством тайного советника Жданова из депутатов министерств внутренних дел, юстиции и военного и казанского жандармского полковника Ларионова. Председатель этой комиссии, начавший свою службу простым писарем в министерстве внутренних дел, но скоро выдвинувшийся вследствие своей ловкости и умения угождать начальству, в казанском деле показал себя опытным сыщиком и не брезгующим сомнительными приемами следователем.

Почти одновременно с учреждением следственной комиссии в Казань был послан Тимашев в качестве генерал-губернатора с подчинением ему, кроме Казанской,—Пермской и Вятской губерний.

Все арестованные по казанскому делу, находившиеся в Петербурге, Вятке и других местах, были свезены в Казань, где в начале июня следственная комиссия открыла свои действия.

Большую помощь комиссии оказал своими показаниями Мрочек. На допросе он подробно рассказал все, что ему было известно по казанскому делу. Он выяснил роль Иваницкого в подготовке восстания, перечислил всех студентов, принимавших участие в переговорах, и подробно изложил все, что они говорили на собраниях.

Показания, данные Мрочеком, заставили и Иваницкого изменить его прежние показания.

9 октября он подал председателю следственной комиссии обширную записку, являющуюся его подробной автобиографией и озаглавленную «Рассказ покойника (разумеется, пока еще живущего)». Это—документ, чрезвычайно характерный для Иваницкого. Иваницкий начинает с указания на то, что ни о каких попытках самооправдания, раскаяния и чистосердечного признания с его стороны не может быть и речи. Раскаиваться в своих поступках он не считает нужным из-за патриотизма (разумеется, польского), который он всосал с молоком матери, который вырос с ним и, он надеется, до гроба не оставит его. Поэтому он прямо заявляет, что ни в чем не кается. Затем Иваницкий указывает, что если в деле замешан не он один, но много людей, большею частью втянутых в дело по его инициативе, то ему, Иваницкому, делать чистосердечное признание для того, чтобы кровью других купить себе облегчение наказания, было бы подлостью, преступлением против чести, совести, религии и всего святого. Поэтому не раскаиваться он хочет, а только изложить в общих чертах ход дела, «тем более, что оно заключается не в совершенном факте, а в мысли, хотении, которое хотя и высказалось предварительными действиями, но все-таки, может быть, и не совершилось бы». И далее, изложив подробно свою жизнь до начала заговора, Иваницкий переходит к рассказу о самом заговоре. Убедившись из показаний Мрочека и других арестованных, что фактическая сторона заговора уже известна следственной комиссии, Ива-

ницкий признает свое участие в заговоре. Однако, в то же время он старается убедить своих следователей, что тем разговорам о подготовке восстания, которые ему пришлось вести, он не придавал серьезного значения и ни на минуту не верил в осуществление своих планов.

Надо признать, что Иваницкий держал себя на следствии гораздо лучше, чем громадное большинство его товарищей по делу. В шестидесятых годах наше революционное движение переживало свою юношескую пору. Революционеры той поры не имели предшественников, опытом которых они могли бы воспользоваться. Революционные традиции не были еще выработаны. Это сказалось на всем движении той эпохи. В своей практической работе революционеры того времени на каждом шагу совершают недопустимые оплошности и ошибки. Все их действия отличаются какою-то неумелостью и невыдержанностью, а подчас граничат с наивностью. Правила и методы конспирации не выработаны. Многие участники движения даже не отдают себе отчета в необходимости конспирации. Они простодушно выбалтывают в своих разговорах многое, что в интересах дела должно было бы оставаться тайной. Арестованные и приведенные на допрос, они теряются, проникаются уверенностью, что все дело погибло, и спешат изложить следователям все, что им известно. В политических процессах шестидесятых годов откровенность подсудимых и их неуменье молчать о том, что им известно, — обычное явле-

ние. Только немногие из революционеров держатся на следствии с полным достоинством и своими показаниями стараются не облегчить, а затруднить работу следователей.

Как всегда в периоды подъема революционной борьбы, в шестидесятых годах к революционному движению примкнуло много случайных людей. При первой же опасности они раскаиваются в своих действиях и спешат отстать от движения. Попав в руки врагов, они готовы итти на все, чтобы только спасти свою шкуру. Такие люди на следствии долго и упорно говорят о том, что только неопытность и молодость вовлекли их в ряды революционеров. Они пользуются каждым случаем, чтобы заявить о своем полном раскаянии и просить о пощаде. Поэтому не только откровенность показаний, но и подача прошений о помиловании была обычным явлением в шестидесятых годах. Так поступало большинство, и только немногие находили в себе силу не просить о снисхождении и не унижаться уверениями в раскаянии.

Большинство привлеченных по казанскому делу не было исключением в своей среде. На допросах в следственной комиссии они подробно рассказывали обо всех обстоятельствах дела, не скрывая от следователей почти ничего, всячески стараясь смягчить свою вину ссылками на молодость, неопытность, влияние либеральных идей, развиваемых профессорами на лекциях, и тому

подобное. Они писали подробные показания, стараясь не забыть ничего, что им было известно.

В особенности отличился в этом отношении Иван Орлов [1]. Желая убедить следователей в своем раскаянии, он подробно рассказывал им не только о казанском деле, но и о революционном движении в России вообще. В его показаниях реальные факты тесно переплетены с различными вздорными слухами, доходившими до него, и, может быть, с его собственными домыслами и выдумками.

Итак, показаниями арестованных казанское дело было освещено почти во всех подробностях, поскольку эти подробности были известны арестованным и привлеченным к делу лицам. Только некоторые детали, например, роль доктора Бургера, остались неизвестными следственной комиссии, и только немногие из арестованных предпочитали отделываться молчанием.

Если в материалах, добытых следствием, имелись пробелы, то они обусловливались главным образом тем, что не все участники дела были в руках следственной комиссии. Некоторым из них

---

[1] Элпидин рассказывает, что И. Орлов заговорил не сразу. Сначала он был тверд. Его начали пугать виселицей и расстрелом. Потом ему начали давать курить, угощали на допросах чаем и водкой. Полицеймейстер возил его даже в торговую баню, где предложил ему даже публичную женщину. Под влиянием ли нравственной или физиологической пытки, он не стерпел". В. Богучарский. „Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах". Париж, 1905 г., стр. 183.

удалось скрыться. Это были Кеневич, Черняк, Станкевич и Сильванд.

Сильванд-Остсенковскому удалось скрыться бесследно и избежать всякой ответственности.

Черняк был арестован, когда следствие по казанскому делу было уже закончено. Поэтому дело Черняка разбиралось отдельно. О нем нам придется говорить ниже.

Кеневич же и Станкевич были арестованы до окончания следствия. Убедившись в невозможности поднять восстание в Казани, Кеневич 23 мая выехал из России в Париж. Он вез туда около 50 тыс. рублей, собранных им на поддержку польских эмигрантов. После передачи этих денег он должен был возвратиться в Россию для участия в восстании. Чтобы избежать ареста на границе, он запасся паспортом на имя некоего Гирша и засвидетельствовавл его в русском консульстве в Париже. Польские эмигранты в Париже находились под наблюдением тайных агентов русского правительства; приезд Кеневича с деньгами и его намерение возвратиться в Россию стало известным правительству. 5 июня 1863 года Кеневич был арестован на русской границе. Станкевич принял участие в польском восстании и был взят в плен в феврале 1864 года в Могилевской губернии.

Привлечение их к казанскому следствию не дало ничего нового следственной комиссии.

Станкевич на допросе избрал тактику молчания, и все усилия следователей не могли сбить

его с занятой им позиции полного отрицания своей вины.

Такой же тактики придерживался и Кеневич. Он доставил столько хлопот следователям, что на его поведении во время следствия необходимо остановиться подробно.

Кеневич на следствии.

Кеневич был доставлен в Казань в середине июля. Большинство из привлеченных к следствию о роли Кеневича в деле ничего не знало. Даже его фамилия оставалась им неизвестной [1]. Поэтому в отношении Кеневича их показания не могли принести никакой пользы следственной комиссии. Однако из показаний Госцевича, Маевского и Новицкого комиссия знала, что некий «Иероним» является центральной фигурой заговора, что в подготовке восстания в Казани он играл руководящую роль. Следователи понимали, какое громадное значение могла бы иметь для них откровенность Кеневича, в котором они с полным основанием заподозрили названного «Иеронима». Она помогла бы им выяснить истоки всего заговора, хорошо известные Кеневичу и неизвестные другим участникам заговора.

---

[1] Характерно, что И. Красноперов, упоминая в своих воспоминаниях о Кеневиче, добавляет: „неизвестно почему и за что присоединенный к „вооруженному восстанию" нашего кружка". И. М. Красноперов. „Записки разночинца". Изд. „Молодая Гвардия", М., 1929 г., стр. 96.

Однако Кеневич упорно молчал и не хотел ни в чем сознаваться. Тщетно следователи бились над тем, чтобы заставить его заговорить.

До нас дошли письма председателя следственной комиссии Жданова к Потапову. Из них мы узнаем, к каким уловкам приходилось прибегать следователям, чтобы добиться сознания Кеневича. Письма эти настолько характерны, что мы приведем ряд выдержек из них.

Еще до приезда Кеневича в Казань в письме к Тимашеву от 9 июня 1863 года Жданов, опираясь на показания Новицкого и других, уже сообщал, что «главным распорядителем рассылки лжеманифестов и возмутительных воззваний, который снабжал посланных с ними инструкциями, деньгами, географическими картами, револьверами и посылал особых агентов в Казань, был некто Иероним». «С открытием Иеронима, — писал Жданов, — составляющего как бы соединительное звено между орудиями и зачинщиками заговора, не трудно было бы открыть весь план, объем и происхождение этого заговора, отыскать начало той нити, конец которой правительство уже имеет у себя в руках».

Таким образом уже тогда Жданову было ясно то значение, которое «Иероним» имеет для дела.

Жданов рассчитывал, что Новицкий может помочь комиссии найти следы Кеневича. Поэтому он решил припугнуть слабовольного Новицкого угрозою привлечения к делу, в случае его упорства, его ни в чем неповинных отца и брата.

«Иероним меня озабочивает, — писал Жданов 16 июля Потапову. — Всю надежду возлагаю на Новицкого... Я без церемонии ему скажу, что если он будет скрытничать относительно Кеневича, то отец и брат будут здесь же. Неужели он, поэт души женской [1], захочет подвергать старика и брата арестованию с высылкою сюда».

Однако Новицкий не мог ничем помочь Жданову; он сам не знал настоящей фамилии того «Иеронима», с которым имел дело в Москве.

Легко представить себе радость Жданова, когда арестованный Кеневич был доставлен в Казань. Долгое время следователи не допрашивали Кеневича, стремясь предварительно завоевать его «доверие».

18 июля 1864 года Жданов писал Потапову:

«Начну с нового моего друга — Иеронима. Устроив с возможным по здешнему комфортом его помещение, я на другой день в сопровождении члена комиссии д. ст. сов. Анненского, владеющего очень хорошо французским языком, отправился к нему, приказав предварительно о себе доложить придверник у. Он принял меня, а г. Анненский сказал, что я. Тихая речь его изменила тотчас мой голос. Также тихо я просил Анненского передать Иерониму [2], что посещение

---

[1] Новицкий был безнадежно влюблен и изливал свои чувства в стихах. *Б. К.*

[2] Разговор шел на французском языке, которого Жданов не понимал. *Б. К.*

мое, может быть, неделикатное в смысле того, что он после пути не отдохнул еще, вызвало у него вздох, и я слегка то же повторил со слезами на глазах. Внимательно мы обменялись взглядами, и я, узнав все его нужды, дал слово исполнить и исполню: 1) улучшение стола, 2) позволение курить сигару, 3) читать французские книги по его выбору, 4) писать к консулу через меня. Это письмо я представляю, его надобно в огонь. Я в нем нашел одного из тех таинственных рыцарей, которые живо напомнили мне героев в его роде 14 декабря 1825 года, с которыми я в молодости, после освобождения некоторых из них из Читы, долго жил в Тобольске. Недостает распятия спасителя, и я скоро возвращу ему его для молитвы. Эти фанатики преданы богу, и во имя его, в случае удачи восстания в Казани, повели бы на виселицу Козлянинова, Львова, Ларионова и Витте[1] с наслаждением... С Иеронимом много будет возни, и я постараюсь говорить с ним по-русски. Надобно выиграть расположение, хотя и не легко, ибо все русские пропагандисты в сравнении с ним есть лакеи с жалованием в месяц 6 руб.».

Хотя Жданов и обещал Кеневичу пересылать его письма французскому консулу, однако, он вовсе не имел в виду. исполнять это обещание. Письма Кеневича он направлял в III отделение,

---

[1] Козлянинов—казанский губернатор, Львов и Ларионов—жандармские офицеры, Витте—казанский полицеймейстер. *Б. К.*

которое аккуратно подшивало их к делу Кеневича[1].

25 июля Жданов писал: «Дела наши идут, но к Иерониму не приступали еще. С друзьями новыми надобно быть деликатным. Заискиваю, книг дал; он начал по-русски говорить. Мил, но бестия, каких я давно уже не видывал...»

В конце июля Кеневича начали подготавливать к допросу. Жданов цинично сообщает в своих письмах, к каким мерам он прибегал, чтобы вынудить от Кеневича сознание. Сперва ему устроили неожиданную для него встречу с Олехновичем. Следователи хотели посмотреть, какое впечатление произведет эта встреча на Кеневича и не выдаст ли он себя чем-нибудь.

31 июля Жданов сообщал Потапову:

«Вы, верно, желаете знать, что Иероним. Доведя до сознания Олехновича из Тамбова, что подложные манифесты получены им через посредство Иеронима, я в преддверии церкви острожной свел их внезапно. Из недурной физиономии Иеронима в одно мгновение физиономия эта сделалась бледная, и глаза, исполненные злости, умоляли пощадить. Олехнович сказал, что он видел его, и, заплакавши, просил отложить свидание до другого дня, не скрывая, что совершенное им при посредстве другого — тяжкое преступление; не-

[1] Французское посольство в Петербурге пыталось вмешаться в судьбу Кеневича, но русское правительство категорически отклонило эти попытки. На соответствующем докладе III отделения Александр II положил резолюцию: „Никакого подобного вмешательства я решительно не допускаю".

ужели требуется еще жертва... Сомнения почти не остается, что Иероним — тот самый, который с усердием действовал о восстании в Казани и разбрасывал манифесты через своих агентов; он не сознается. Запирательство его спасет от смертной казни, и это, несмотря на то, что я далеко не злой человек, грустно».

Смутившийся при виде Олехновича Кеневич, однако, не выдал себя. Между тем, по правилам судопроизводства того времени для осуждения преступника требовалось или его собственное сознание, или показания не менее двух «достоверных» свидетелей. Олехнович, Новицкий и их товарищи по распространению подложных манифестов, как привлеченные в качестве обвиняемых по одному делу с Кеневичем, «достоверными» свидетелями с точки зрения закона не были. Поэтому их показания, уличающие Кеневича, при отсутствии его собственного сознания, не имели юридической силы и не давали возможности признать Кеневича виновным. Вот почему Жданов и проливал слезы относительно того, что Кеневич избегнет смертной казни.

После свидания с Олехновичем Кеневичу устроили свидание с Новицким.

В письме к Потапову от 1 августа Жданов так описывает это свидание:

«Неожиданно в сказанный час приглашается со всею любезностью джентльмен Иероним. Входит без улыбки в виде Гамлета в первом действии. Является Новицкий, и сцена открывается. С твер-

достью Новицкий объяснил Иерониму его посещение последнего, расположение комнат, бюро, из которого вынимал он для Новицкого деньги полуимпериалами, наконец, указывал на Хамеца, который его с ним свел. В это время я подвел Олехновича, и Новицкий, бросившись к нему на шею, зарыдал, требуя от него прощения, что он его по поручению Иеронима погубил. Олехнович стал на колени перед Новицким и просил его успокоиться, сказав с твердостью: «это угодно было богу, и быть может, что он заслужил тяжкое наказание». Повторив перед Иеронимом, что он его видел, что лицо его напоминает весь ужас настоящего положения, он с кротостью прибавил, что роли их различны: Олехнович — преступник, а Иероним на дороге к оному. Окончилось тем, что Иероним не отвергал, что расположение его комнат верно описано Новицким, но что он ни его не знает, ни Олехновича. Мы все были в слезах при грустной сцене слез, объятий между собой О. и Н., но Иероним стоял бледный с посинелыми губами. Окончилось тем, что, уходя в свои комнаты, Иероним пожал крепко обоим руку... По настоящую минуту одно положительно могу сказать, что Кеневич есть заговорщик, уполномоченный тайным парижским обществом при содействии поляков русских произвесть восстание в Казани, что расстроенный план Глассоном направил его деятельность на образование особых комиссионеров для развозки манифестов, но это не удалось. Довести его до сознания трудно.

Это — Орсини[1] без бомб, ибо последние опасны в случае разрыва, неосторожного для жизни, а способ последнего, то-есть Иеронима, загребать чужими руками жар, — безопасен. Юстиция, на основании улик, не произнесет над Кеневичем приговора смертного, ибо подсудимые уже преступники, доверия к которым нельзя иметь. Их гибель ясная, их слезы трогательны, но не для Иеронима, который с презрением выразился, что это ремесло женщины, а не мужчины. Будем добиваться энергически возможных улик Кеневича. Мы все ожесточены против злодея, существование которого на земле страшно для юношества».

Потерпев неудачу с Новицким, Жданов решил попытаться убедить Кеневича, что он напрасно боится сознаться в своих действиях, что ему, как французскому подданному, смертная казнь не угрожает.

2 августа он сообщал об этом Потапову:

«Хочу сказать Кеневичу наедине, что его благородная физиономия служит ручательством, что ему дальше трудно переносить это унижение, и что напрасно он опасался сознания. Императрица французская Евгения[2], как истинная католичка, по высокой своей душе не может не принять в нем, как французском подданном, участия уже по-

---

[1] Феличе Орсини (1819—1858)—итальянский революционер, организовавший в 1858 году неудачное покушение на Наполеона III; казнен в Париже. *Б. К.*

[2] Жена императора Наполеона III. *Б. К.*

тому, что Гарибальди не был осужден за свои патриотические чувства.

Не поверит злодей этой сладости, будет бояться виселицы. Было бы очень хорошо, если бы этот Орсини в новом роде склонился на убеждение; предложу ему, чтобы он прямо государю написал свою исповедь, а я буду служить почтою и от себя прибавлю о том, что Иероним— отличнейший господин».

Убедившись в твердости характера Кеневича, следственная комиссия приступила к его допросу, продолжавшемуся 7 дней без перерыва.

Кеневич отверг все предъявленные ему обвинения. Он совершенно отрицал свое участие в казанском заговоре и посылку в Казань Черняка и Сильванда. Несмотря на то, что Маевский и Новицкий уличали его на очных ставках, он не признался и в том, что поручил им распространение подложного манифеста. Единственно, что он признал, это то, что к нему в Москве являлись неизвестные ему лица для сбора пожертвований в пользу польского восстания и с предложением вступить в ряды инсургентов.

Извещая Потапова о допросе Кеневича, Жданов писал 26 октября:

«Сблизясь с этим господином, члены осторожно намекали ему, как бы невзначай, что искреннее его сознание могло бы облегчить настоящее положение, в особенности, что он француз, и что Польша не его отечество, а его отца. В лукавой

его улыбке отразилось тотчас, что убеждения комиссии на него действуют точно так же, как дождь на клеенку. Он не замедлил нам сказать, что и Ярошинскому, стрелявшему в брата императора [1], обещана была жизнь, но он казнен. В противоположность, с некоторым восторгом говорил о Конарском, возмущавшем в 1840 году Литву, что он умер как герой, не сделав сознания [2], что он этим приобрел любовь поляков, и мать Конарского с радостью благословляла его на смерть. Ясно, что Иероним — фанатик, на которого нельзя действовать убеждением. Мы прибегли к уловке, не довольно чистой, как все уловки, но цель была достигнута. Иероним в числе бумаг своих признал цифру, написанную его рукой на географической карте, писанной Черняком, где указывался Маевскому путь следования с ложными манифестами. Это уже составляет на суде довод юридический, а этого довольно...»

К сожалению, нам неизвестно, какую уловку употребила в дело следственная комиссия. Однако, Жданов понимал, что признание Кеневичем цифры на географической карте не составляет еще бесспорной в юридическом отношении улики.

---

[1] Людвиг Ярошинский, портной подмастерье, за покушение на наместника Царства Польского вел. кн. Константина Николаевича расстрелян 7 августа 1862 г. *Б. К.*

[2] Симон Конарский — польский революционер; арестован в 1838 году в Вильно за подготовку восстания и 15 февраля 1839 года казнен. *Б. К.*

16 декабря он писал Потапову:

«Иероним Кеневич нас очень озабочивает. Нравственное убеждение полное, что он — двигатель предполагавшегося в Казани восстания, но 1-ая категория[1] говорит: давай юридические доказательства, основанные на фактах и улике. Улики против Иеронима его жертв не сильны по закону; признание цифр на карте лишь знаменательно, однакоже, повесить нельзя. Вторая категория может осудить его на каторгу, но путем обыкновенного суда, то-есть начнется с уездного суда и дойдет до сената. Уголовная палата в лице ее председателя надежна и охулки на руку не положит».

Хотя Жданов и сознавал юридическую невозможность отнести Кеневича к первой категории, однако, вопреки закону, следственная комиссия это сделала.

Суд и казнь.

По окончании следствия все привлеченные к делу были разбиты на три категории. К первой были отнесены «главные зачинщики и двигатели»; они подлежали суду «по полевым уголовным законам». Во вторую вошли те, которые подлежали суду в обычном порядке. Наконец, к третьей

---

[1] Как мы увидим, все привлеченные по казанскому делу были разделены на 3 категории, о которых мы будем говорить ниже. *Б. К.*

категории были отнесены те, в отношении которых признано было достаточным ограничиться мерами административными.

К первой категории были отнесены, во-первых, все привлеченные к делу офицеры: Иваницкий, Мрочек, Станкевич и Михайлов [1]; во-вторых, Кеневич и четыре студента-поляка, распространявшие подложный манифест: Маевский, Госцевич, Олехнович и Новицкий, и, в-третьих, из казанских студентов один Иван Орлов, которого не спасли его откровенные показания.

Военный суд быстро рассмотрел дело. Всех обвиняемых он приговорил к смертной казни, за исключением поручика Михайлова, осужденного на каторжные работы в крепостях на десять лет.

Кеневич был признан виновным в недонесении начальству и в непринятии никаких мер к задержанию лиц, являвшихся к нему для сбора денег в пользу польской революции и с призывом к немедленной явке на театр военных действий, а также в проживании в Москве по чужому паспорту. Что же касается основного обвинения, выдвинутого против Кеневича, — организации рассылки подложных манифестов, — то военный суд

---

[1] О Михайлове мы упоминали выше, как о члене казанского комитета „Земли и Воли". Он был привлечен к делу за „недонесение" о заговоре. Дело в том, что, по сведениям следственной комиссии, Мрочек предлагал Михайлову принять участие в восстании, но тот не дал согласия.

признал недостаточность доказательств и постановил в этом отношении оставить Кеневича «в сильном подозрении». Как бы то ни было, суд сделал свое дело: Кеневич был осужден на смертную казнь.

Приговор военного суда вошел на утверждение генерал-губернатора Тимашева. Тимашев нашел возможным заменить Орлову, Новицкому, Маевскому и Госцевичу смертную казнь каторжными работами на 15 лет и Олехновичу — на 12 лет. В остальном же приговор был им утвержден. При этом в тексте конфирмации Тимашев нашел нужным указать свое несогласие с приговором военного суда в отношении Кеневича. Он считал доказанным всей совокупностью собранных следственной комиссией доказательств и улик, что Кеневич — «один из главных двигателей и распорядителей по распространению подложных манифестов» [1].

6 июня 1864 года, в 7 часов утра, близ Подлужной слободы на берегу Казанки были расстреляны Кеневич, Иваницкий, Мрочек и Станкевич. За два дня до казни, по распоряжению Тимашева, к каждому из них было приставлено по два жандар-

---

[1] Характерен отзыв Тимашева о Кеневиче, передаваемый П. Д. Шестаковым: „Другие сознались, но этот ни разу не изменил себе: твердо, упорно и смело стоял на одном, что он не виноват. Прямых улик налицо не было, но внутренний голос сильно говорил во мне, что Кеневич виновен, что он главный вожак в этом деле". П. Д. Шестаков. „Тяжелые дни Казанского университета". „Рус. Старина", 1896 г., № 12, стр. 522.

ма «для предупреждения, дабы арестанты не нанесли себе вреда».

Жандармский полковник Ларионов в донесении III отделению так описывал казнь:

«На пути следования от каземата до места казни Иваницкий и Кеневич смеялись, первый любезно раскланивался со знакомыми; даже проходя войска по фронту с правого до левого фланга, не переставали между собой улыбаться. При чтении конфирмации и обвинений Кеневича, он, обратившись ко всем слушателям, быстро выступив два шага вперед, громко возразил по-русски: «Послушайте, господа, это неправда, написаны все подлости», и в заключение, когда прочтены были меры определенного наказания, Кеневич опять закричал: «Не смеете расстрелять, я — французский подданный»[1]. Другие два преступника, Мрочек и Станкевич, все время были безмолвны. Стечение народа было многочисленно; ни малейшего соболезнования к преступникам не заявлено; напротив, всеми сознавалась необходимость такого примерного наказания злоумышленников».

После казни тела казненных были отвязаны от столбов, к которым их ранее привязали, брошены в вырытые тут же ямы и зарыты. Потом по земле

---

[1] Элпидин иначе передает предсмертные слова Кеневича: „Выслушав приговор, француз спросил: „За что вы меня убиваете?“ Потом прибавил: „подлецы“ В. Богучарский. „Материалы для истории революционного движения в России в 60-х г.г.“ Париж, 1905, стр. 195.

над могилами церемониальным маршем и с барабанным боем прошли солдаты [1].

Дело об обвиняемых, отнесенных ко второй категории, разбиралось в казанском уездном суде, а затем в казанской уголовной палате. Большинство обвиняемых было приговорено к каторжным работам на сроки от четырех до десяти лет. Приговор этот поступил на утверждение сената и государственного совета. На все это ушло много времени. Между тем 17 мая 1867 года было издано высочайшее повеление о том, чтобы «все дела политического свойства, касающиеся последнего мятежа (имеется в виду польское восстание 1863 года) и беспорядков, имевших отношение к оному, не оконченные еще производством как в следственных комиссиях, так и в судебных местах, если лица, прикосновенные к этим делам, не обвиняются, кроме того, в особых уголовных преступлениях, как-то: убийстве, поджоге и тому подобном, прекратить, освободив всех обвиняемых от следствия и суда». В силу этого повеления Государственный Совет постановил объявить всем привлеченным к делу о казанском заговоре «всемилостивейшее прощение» и затем отдать под

[1] И. Красноперов. „Записки разночинца", стр. 96. Характерный рассказ, ходивший по Казани после казни, передает один современник. Молоденькая невеста Иваницкого будто бы утром в день казни явилась к одному из начальствующих лиц (надо думать Тимашеву) с просьбою о помиловании ее жениха; это лицо, любезно принявшее девушку, продержало ее у себя до тех пор, пока казнь не была совершена. Узнав о казни, невеста упала в обморок и долго болела. П. Суворов. „Записки о прошлом". М. 1898 г., стр. 60.

надзор полиции на три года тех, которые уголовной палатой были приговорены к каторжным работам, и на один год—приговоренных ею к аресту.

Таким образом в 1867 году все обвиняемые 2-ой категории вышли на свободу. Только трое из них, — Жеманов, Элпидин и Щербаков, — не дождавшись «монаршей милости», бежали за границу.

Уже после того, как Кеневич, Иваницкий, Мрочек и Станкевич были казнены, в руки властей попался успевший скрыться и принявший участие в польском восстании Черняк. Он был задержан в июле 1864 года в Динабурге при попытке пробраться за границу с паспортом крестьянина Быцана. По доставлении в Вильно он назвал свою настоящую фамилию. По выяснении его личности он был отправлен в Казань, где его предали суду. При допросе Черняк дал весьма подробные показания, осветив, между прочим, роль Кеневича в казанском заговоре. Черняк был признан виновным, во-первых, в том, что, «изменив долгу службы и присяги, был одним из главных двигателей замышлявшегося в Казани вооруженного восстания», во-вторых, в самовольном оставлении службы и побеге в Виленскую губернию во время бывшего там возмущения и, в третьих, «в предводительствовании мятежной шайкой с оружием в руках против русских войск». За эти преступления Черняк был приговорен к смертной казни и 11 октября 1865 года расстрелян на том же месте, где ранее погибли его товарищи.

Жандармский полковник Ларионов сообщил в III отделение следующие подробности его казни:

«Черняка из военного каземата приняли два жандарма здешней команды и, поместясь вместе с ним в приготовленной лазаретной карете, следовали в сопровождении сильного казачьего конвоя до места казни в поле за Подлужной слободой. Во все время переезда и при выслушании конфирмации Черняк ни с кем из сопровождавших и его окружавших не вымолвил ни одного слова и так же безмолвно пошел на казнь. Стечение народа было огромное всякого состояния»

Необходимо сказать несколько слов еще об одном «герое» казанского дела — Ив. Глассоне. Пока работала следственная комиссия, Глассон сидел в казанской тюрьме. Это было сделано для того, чтобы отвлечь от Глассона подозрение в предательстве. Однако донос Глассона и его роль в раскрытии казанского заговора не могли остаться неизвестными привлеченным к делу. Они быстро разгадали, что в лице Глассона имеют дело с предателем и провокатором.

Когда работа следственной комиссии стала приходить к концу, возник вопрос, как наградить его за услугу, оказанную им правительству. По докладу министра внутренних дел Валуева, Александр II повелел выдать Глассону 3.000 рублей. На эти запачканные в крови деньги Глассон открыл фотографическое заведение в Петербурге, куда он переселился по окончании казанского дела.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самое поразительное в истории казанского заговора — это полное несоответствие грандиозности замысла с силами и средствами заговорщиков. С одной стороны, желание поднять на восстание весь восток и юг России, с другой — жалкие 400 рублей и 14 револьверов различных систем и калибров (повидимому, без патронов), привезенные Сильвандом в Казань, как «все, что нужно для восстания». Это несоответствие задачи и средств для ее выполнения — не случайное явление в казанском деле; это — черта, характерная для всего революционного движения в ту начальную пору его развития. На аналогичные несоответствия мы натыкаемся на каждом шагу при изучении движения шестидесятых годов. Это объяснялось молодостью движения, отсутствием надлежащего опыта у его деятелей, их склонностью переоценивать свои силы и методы и недооценивать силы противника. Но было бы ошибкой объяснять все только молодостью и неопытностью и игнорировать то, что экономическое и социально-политическое состояние России той эпохи заключало в себе ряд предпосылок, весьма

благоприятных для роста и развития в революционной среде оптимизма и уверенности в слабости противника.

Мы говорили уже о том, насколько в русском обществе в начале шестидесятых годов была распространена уверенность в близости революции, и в частности о том, какие надежды возлагались на весну 1863 года, когда должен был истечь срок составления уставных грамот. Уверенность в близости революции и в слабости старого порядка крайне благоприятствовала появлению в революционной среде различных проектов, неосуществимость которых в настоящее время бросается в глаза. Революционерам того времени, — за немногими исключениями, — самодержавие представлялось зверем, уже раненым насмерть; оставалось только добить его, а это особых усилий не потребует. Крестьянское восстание должно вспыхнуть само собой. Подготавливать и организовывать его не придется. Надо только не упустить минуту, примкнуть к нему, направить его по надлежащему пути и принять меры к тому, чтобы победа была использована полностью. Вот почему революционеры шестидесятых годов недостаточно заботились о средствах, бывших в их распоряжении, и о соответствии этих средств с поставленной задачей.

Депутат от военного ведомства в составе следственной комиссии, расследовавшей казанское дело, полковник Слуцкий, в записке, представленной им по окончании работ следственной комис-

сии военному министру, характеризовал казанский заговор, как «мечтательную и легкомысленную затею», не имевшую в себе «ничего способного возбудить какие-либо опасения». Мы знаем, что такая оценка казанского заговора по-своему была вполне правильна. И мечтательности, и легкомыслия в нем, действительно, было много. Однако нельзя упускать из виду, что записка Слуцкого написана тогда, когда заговор уже был окончательно ликвидирован, когда почти все главные деятели его были захвачены, когда смертная казнь была уже обеспечена им. Иначе расценивалось значение казанского заговора и открывавшиеся перед ним возможности ранее, — когда все обстоятельства дела не были еще выяснены следствием. Мы говорили уже о тревоге, охватившей казанские власти и общество при известии о готовящемся восстании. Опасения казанских властей вполне разделялись и в центре — в Петербурге.

П. Д. Шестаков, назначенный в 1863 году попечителем Казанского учебного округа, в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда он отправлялся в Казань, один государственный деятель заметил ему: «Вы едете в неспокойную, пугачевскую сторону», а директор департамента министерства народного просвещения Мансуров сказал: «Я удивляюсь вам: вы едете в Казань и еще можете смеяться» [1]. Но не только эти петербург-

[1] П. Д. Шестаков. „Тяжелые дни Казанского университета". „Рус. Старина", 1896 г., № 12, стр. 523.

ские чиновники, может быть, недостаточно знакомые с казанской обстановкой, но и люди, гораздо лучше знавшие обстоятельства дела и способные произвести настоящий учет правительственных сил в Казанском крае, не считали невероятной возможность успешного восстания. Когда Нарышкин, командированный в Казань, ориентировался в местных обстоятельствах, он писал в III отделение Потапову (письмо от 29 мая 1863 года):

«Теперь скорее еще, чем прежде, они (то-есть организаторы заговора) могут питать надежду на успех, когда и без того ополячившиеся батальоны резервной дивизии наполнены так называемыми польскими рекрутами, коих поступило собственно в 5 батальонов, расположенных в Казанской губ., 300 и в том числе около 200 так наз. военнопленных и до 15 политических преступников, и состоящих под командой офицеров тоже поляков. Признаюсь, охранение порядка в крае с таким элементом очень небезопасно, особенно при огромном числе местных и странствующих поляков и увлечении, — большею частью бессознательном, — молодежи, которой в одной Казани наберется до 1000, а так как заметно, что деятели имеют притом и деньги, то могут рассчитывать еще и на пьяных и содержащихся в острогах, да, пожалуй, и на деньги казначейства, охраняемого большею частью караульными офицерами поляками и часовыми из поляков».

Как видим, с точки зрения Нарышкина расчеты Иваницкого и Черняка вовсе не были столь лег-

комысленными и мечтательными, как это можно было бы предполагать.

Тревога, которой пропитана каждая строчка письма Нарышкина, особенно показательна, если мы сравним это письмо с тем, что год спустя, через несколько дней после казни Кеневича и его товарищей, писал в III отделение казанский жандармский полковник Ларионов:

«К общему удовольствию жителей тишина царствует глубокая, невозмутимая; все присмирело; возражений и пересудов никаких не слышно, даже от личностей передовых, еще недавно равнодушно смотревших на возникавшие вокруг них замыслы, чуждые здравого смысла и могшие произвести кровавые последствия; теперь все смирились, приняли другое направление и, вполне довольные, пользуются возрожденным спокойствием после продолжительного тревожного времени».

Кеневич, как человек умный, конечно, не мог долго находиться в заблуждении. Невыполнимость тех грандиозных задач, которые первоначально связывались с казанским заговором, очень скоро стала ему вполне ясна. Уже один тот факт, что из студентов-поляков в Петербурге и Москве он нашел только пять человек (Сильванд, Маевский, Новицкий, Олехнович и Госцевич), готовых принять участие в казанском восстании, должен был доказать ему несбыточность первоначального плана. Надежду на широкое восстание, охваты-

вающее постепенно громадную территорию, он отбросил с самого начала, и если он вместе с тем не бросил совершенно казанского предприятия, то лишь потому, что считал даже маленькую завирушку в глубоком тылу русских войск способной принести значительную пользу польскому восстанию. Этим объясняется тот факт, что ни он, ни Черняк не проявили в казанском деле всей той энергии, которая была бы необходима с их стороны, если бы они действительно верили в выполнимость стоящей перед ними грандиозной задачи.

В связи с этим стоит другая характерная особенность казанского дела, свойственная и другим революционным предприятиям той поры: стремление главных действующих лиц восполнить недостаточность своих средств мистификацией. Элементы того, что принято называть «нечаевщиной», мы встречаем не только в нечаевском деле, но и в каракозовском, и в казанском заговоре 1863 года, и в ряде других заговоров эпохи шестидесятых годов.

Приехав в Казань, Черняк в разговоре с Иваницким заявил, что «если поляки-студенты оказались такая дрянь», то тем менее он рассчитывает на казанских студентов, с которыми ему придется иметь дело. Поэтому с ними отнюдь не надо откровенничать; напротив, им надо говорить, что заговорщики и без них сильны и готовы начать восстание своими силами. При отъезде же из Ка-

зани Черняк говорил Иваницкому, что, если студенты будут его выпытывать, надо говорить им, что у заговорщиков партия большая, организованная, что денег есть 12 или 20 тысяч, что в Казань приедет от 50 до 100 революционеров. «Да, пожалуй, — прибавил Черняк, — говори им, что вздумаешь, что сочтешь нужным».

Это — не единственный пример мистификации в казанском деле. Достаточно вспомнить то злоупотребление именем «Земли и Воли», которое допускали Кеневич и Черняк (не говорим уже про подложный манифест).

Характеризуя казанское дело, полковник Слуцкий в записке, цитированной нами выше, отметил, как поразивший его факт, то обстоятельство, «что почти все русские молодые люди, находившиеся под следствием казанской комиссии, — воспитанники семинарий и люди крайне бедные». «Бедность, — рассуждал по поводу этого Слуцкий, — присоединяющаяся к семинарскому воспитанию, лишает молодых людей благотворного влияния общества, заставляя их образовывать кружки, узкие, замкнутые, бессильные против влияния запрещенной литературы и тому подобных явлений, между тем как материальный достаток, следовательно, сближение с обществом и хорошее первоначальное воспитание, спасает тех, кто им обладает».

Справки относительно социального положения лиц, причастных к казанскому делу, вполне под-

тверждают наблюдение полковника Слуцкого. Если мы оставим в стороне поляков (офицеров и студентов) и возьмем только русских, привлекавшихся по казанскому делу, то получим следующие любопытные цифры: из 22 человек, привлекавшихся по этому делу, одиннадцать были выходцами из семей духовенства (сыновья священников, дьяконов, пономарей, причетников), пять дворян, пять мещан и, наконец, один (Полиновский), социальное происхождение которого нам неизвестно. Но если принять во внимание, что этот один был отставным коллежским регистратором, то вряд ли мы ошибемся, если предположим, что и он вышел из той же социальной среды, из которой вышло большинство его товарищей. Что касается пяти дворян, привлекавшихся по казанскому делу, один был обер-офицерским сыном и двое — из дворян Астраханского казачьего войска; другими словами, эти дворяне, повидимому, принадлежали к низшим, наименее обеспеченным слоям дворянства. Таким образом, громадное большинство привлекавшихся по казанскому делу принадлежало к той «разночинной» интеллигенции, представители которой преобладали в революционном движении шестидесятых годов. Другими словами, по составу своих участников дело о казанском заговоре чрезвычайно типично для этой эпохи.

Характерен и возрастный состав участников этого дела. Если не считать Красовского, который

к самому заговору причастен не был, то старшему из его участников (Элпидину) было 27 лет, а младшему в момент ареста не исполнилось еще 17-ти (Шулятникову); большинство же обвиняемых были в возрасте 21—23 года. Таким образом, в большинстве это была зеленая молодежь, люди, еще не определившиеся окончательно в политическом отношении. Действительность показала, что это были люди случайные в революционном движении, захваченные его поднимающейся волной. Когда же эта волна спала, от их революционности не осталось и следа.

Это — также одна из характерных черт движения шестидесятых годов. Среди многочисленных его участников только очень немногие остались революционерами на всю жизнь, как-то: Ткачев, Зайчневский, М. Муравский, Г. Лопатин и некоторые другие.

Громадное же большинство в ближайшее же время превратилось в законопослушно отправляющих свои служебные обязанности обывателей, либерализм которых не заходит за пределы, терпимые начальством.

Оставшиеся в живых участники казанского дела впоследствии превратились в людей, делающих очень полезное, может быть, дело, но в борьбе против самодержавного строя участия не принимающих. Среди них были литераторы, исследователи народной жизни, земские статистики (Лаврский, бр. Красноперовы), — революционеров же не было.

Только бежавшие за границу Жеманов и Элпидин впоследствии участвовали в революционном движении, но ни тот, ни другой значительной роли в нем не играли; к тому же более деятельный из них, Элпидин, кончил весьма печально, сделавшись агентом-осведомителем департамента полиции, а Жеманов вскоре же после бегства за границу ходатайствовал (безуспешно) о разрешении вернуться в Россию, уверяя в своем раскаянии и верноподданности.

Прокламация казанского революционного кружка 1862 года

Долго давили вас, братцы, мучили работой, секли розгами да кнутами, водили жен и дочерей ваших к барину; все вы терпели; все надеялись, вот-де батюшка-царь вспомнит об нас бедных, да и защитит нас. Вот и вспомнил об вас царь: написал, пять лет тому назад, манифест: хочу-де крестьян освободить. Поверили вы царскому слову и уж как-то, сердечные, молились богу за своего избавителя, а царь тем временем собирал советы из помещиков, судил да рядил с ними и наконец дал вам волю. Прочитали вам эту волю; пораскинули вы умом-разумом, да и призадумались. Ничего-то тут не поймешь, что это за воля такая. Вольные вы люди стали, только земли-то вам не дали, а хотите иметь землю, так выкупайте ее на свои кровные денежки. Вольные вы люди стали, и уж помещик не смеет вас тронуть, да может он пожаловаться начальникам, а те хоть полдеревни готовы передрать или сослать в Сибирь. Не поверили вы этому, не поверили, чтобы царь обещал волю дать и не сдержал своего обещания царского; и подумали вы, что обманывают вас помещики да чиновники, что не царский они вам указ читают. И послал царь вразумить вас своих генералов, и стали вразумлять вас розгами да солдатскими штыками, да пулями. Да уж больно вы, видно, на царя-то понадеялись, и пули-то не

разуверили вас. Наконец царь сам в Полтаве велел собрать волостных голов и сказал им: «дошли до меня слухи, что вы ждете через два года какой-то новой воли, — никакой вам больше воли не будет»; да велел еще это и в газетах пропечатать. Восьмого сентября нынешнего года праздновал царь в Новгороде тысячелетие России. Некоторые из вас думали, что будет милостивый манифест и что царь даст наконец волю. А он в Новгороде-то сказал народу опять то же, что и в Полтаве: «вы все ждете новых благодеяний, не ждите ничего больше, а торопитесь сделками с помещиками». А вместо милостивого манифеста назначил рекрутский набор. Вот вам и надежда государь!

Нет, братцы, плоха надежда на нашего царя-батюшку. Вспомните-ка сами, кто его советники? Бары да помещики. Так кто же ему про вашу нужду расскажет; да коли кто и скажет ему, да коли он и захочет что сделать для вас, так те же бары-помещики помешают. Хотел он освободить вас, собрал совет из помещиков,—вот они вас и освободили. Вы думали, что царь на то и царь, чтобы слабых защищать от сильных, бедных от богатых; а на деле-то выходит, что вместе с сильными бьет слабых, вместе с богатыми обворовывает бедных. Пророк Самуил сказал народу израильскому, когда советовал ему обойтись без царя: «И поставит (царь) тебе сотники и тысящники; и дщери ваши возмет в мироварницы и поварницы; и села ваши, и виногдады ваши, и маслична ваша драгая возмет

и отдаст рабом своим; семена ваши и виноградываши одесятствует; и стада ваша благая возмет и одесятствует на дела своя; и пажити ваша одесятствует, и вы будете ему рабы» (1 книга Царств, гл. 8). И наш царь оказывается, значит, царем самуиловским. Полно же, братцы, утешать себя пустяками, полно надеяться на такого государя.

Вы скажете: на кого же нам надеяться? Надейтесь, братцы, на самих себя да и добывайте себе волю сами. Только помните, братцы, что не следует до поры до времени затевать дело по кучкам, — этак, кроме беды, ничего не добудете. Приведут солдат, велят им стрелять по вас; одних убьют, других изувечат, третьих сошлют на каторгу, а остальных опять отдадут помещикам, и последняя будет горше первых, и себя сгубите и другим пользы не принесете. Другое дело, как все разом скажете: «Будет, мол, терпеть-то нам и от бар и от чиновников. Довольно на них поработали, довольно от них потерпели, — время и отдохнуть». Да как все в один голос потребуете себе волю вольную, так тогда и отказать не посмеют, и царь со всем своим войском не в силах будет защитить своих холоповбар да чиновников. Подумайте-ка, братцы, ведь одних помещичьих крестьян 23 миллиона, да государственных 30 миллионов, а войск-то 500 тысяч. Только не торопитесь, братцы, чтобы не испортить дело. Прежде пообдумайте да соберитесь с силами. Знайте, братцы, что и между кафтанниками есть такие, у которых болит сердце за вас, которые всем, чем могут, готовы помочь вам. Они-то и посылают

вам этот листок; они же вам и напишут, когда все будут готовы подняться за святое дело, за волю вольную.

А когда все вы будете готовы стоять твердо за свое дело, тогда царь не посмеет отказать вам ни в чем, и тогда можно будет от него потребовать все, что вам нужно и чего теперь не дают вам.

Теперь царь заставляет вас выкупать себе землю; а вы ее спокон веков возделывали, не зная отдыха, сколько раз отстаивали от врагов, не жалея своей крови, следовательно, она и без выкупа ваша. Тогда и потребуете, чтобы землей владели вы, а не царь да помещики.

Теперь податями вас совсем разоряют; а зачем собирают царь да чиновники эти подати и куда их тратят, — ничего вы не знаете. Тогда можно будет требовать, чтобы подати назначались и расходовались не царскими чиновниками, а вами же самими, через выборных людей, которые и будут в каждой копейке вам отчет отдавать.

Теперь для того, чтобы судить да разбирать вас, царь держит чиновников и платит им жалование из ваших же денег. А что вы видите от этих чиновников? Кроме притеснений — ничего. Тогда можно будет потребовать, чтобы не стало этих чиновников, чтоб вас судили и разбирали не царские чиновники, а ваши же выборные люди.

Вот тогда-то, братцы, вы и будете жить без горя, вот тогда-то и будет настоящая воля. Вот такую волю и надо от царя требовать, вот за нее-то и надо стоять до последних сил.

ЛИТЕРАТУРА О КАЗАНСКОМ ЗАГОВОРЕ.

А. Ершов. „Казанский заговор 1863 г.“ „Голос Минувшего“, 1913 г., №№ 6 и 7.

А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Под редакцией М. К. Лемке, т. XVI, стр. 333-368.

Б. Козьмин. „Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России“. „Красный Архив“, 1923 г., т. IV.

М. Элпидин. „Казань в осадном положении“. „Подпольное слово“ (Женева) 1866 г., № 2. Перепечатано в „Материалах для истории революционного движения в России в 60-х гг.“, под редакцией В. Базилевского (В. Богучарского), стр. 134—137.

„Государственные преступления в России в XIX веке“. Под редакцией В. Базилевского (В. Богучарского). т. I, стр. 123—126, 130.

„Дело Черняка в 1865 г.“ „Былое“ (заграничное), 1904 г., № 6. Перепечатано в „Русской Исторической Библиотеке“, № 5, стр. 138—141.

Н. Фирсов. „Студенческие истории в Казанском университете“. „Рус. Старина“, 1889 г., № 8.

П. Д. Шестаков. „Тяжелые дни Казанского университета“. „Рус. Старина“, 1896 г., № 12.

И. М. Красноперов. „Записки разночинца“. Предисловие Б. П. Козьмина. Изд. „Молодая Гвардия“, 1929 г.

М. Корбут. „Шестьдесят пять лет со дня ликвидации казанского заговора“. „Красная Татария“, 1929 г., № 175.

Б. Козьмин. „Революционное подполье в эпоху белого террора“. Изд. политкаторжан. М. 1929 г., гл. I (дело М. К. Элпидина и бр. Пеньковских).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3
Переговоры поляков с „Землей и Волей". Первоначальная подготовка казанского заговора . . . 25
Революционная Казань начала шестидесятых годов. 35
Кеневич и Черняк 51
Казанский студенческий кружок 57
„Хождение в народ" казанских студентов 69
Переговоры Иваницкого и Черняка со студентами. 77
Донос Глассона. Тревога в Казани 85
Приезд Сильванда. Новый план восстания 91
Провокация Глассона. Следствие по казанскому делу 102
Кеневич на следствии 112
Суд и казнь 122
Заключение 129
Приложение: Прокламация казанских студентов 1862 г. 139
Литература о казанском заговоре 143